

Галина Викторовна Манукян
Ученица чародея
Серия «Руны любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11980339
Манукян, Галина. Ученица чародея : [роман] : АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-092538-4

Аннотация

Способности, больше похожие на проклятие, проснулись в Абели в день ее семнадцатилетия. В надежде на помощь она обращается к известному лекарю. Однако люди говорят, он колдун и чернокнижник, а его красавец сын – настоящий душегуб. Разгадает ли Абели секреты чародея или станет игрушкой в руках злодея? Или на самом деле все совсем не так, как кажется?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	45
Глава 12	48
Глава 13	51
Глава 14	55
Глава 15	61
Глава 16	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Галина Манукян

Ученица чародея

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Манукян Г., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Глава 1

Пекло́, как в июле. Жар, казалось, шёл и от стен домов, что теснились вдоль улицы, и от неровной брусчатки, по которой майский ветер гонял солому. На солнечной стороне рю де Шарни виноградные лозы, цепко хватаясь усиками за изъеденный временем камень, оплетали редкие оконца строений. В тени, на домах напротив, разросся плющ, пряча фасады под тёмно-зелёными, остроконечными листьями.

– Далеко нам ещё? – обернулась я к тётушке Моник, красной от подъёма на холм.

Та перевела дух и кивнула.

– Пришли уже.

И указала на большое здание, стоявшее чуть поодаль. Оно было явно богаче других. Над крышей высилась массивная бурая труба, торец дома увивала пышная, словно меховая оторочка, растительность. Я засмотрелась на резной балкончик на третьем этаже. Чудной!

Мы обогнули карету, стоящую у забора, обильно заросшего диким виноградом. Пара лошадей в упряжи вяло отгоняли хвостами мух. Возница в расшитой ливрее проводил нас мутным от зноя и скуки взглядом.

Отчего-то стало тревожно. С каждым шагом к дому лекаря тревога охватывала меня всё сильнее. Хотя, скажите, что могло пугать в красивых арочных окнах на цокольном этаже? Или в аккуратно подстриженных кустах у входа? Ничего.

В нише над морёной дубовой дверью я разглядела грубоватую чёрную статуэтку – всадника. Ноги онемели. Я остановилась.

– Что с тобой? Опять приступ? – забеспокоилась тётушка Моник.

– Нет.

Входная дверь распахнулась, и долговязый слуга, раскланиваясь, выпустил на улицу богато одетого старика с лицом жёлтым, точно пчелиный воск. Старик зыркнул на нас, задрал крючковатый нос и, опираясь на руку пажа, направился к карете. У меня тут же закололо в правом боку.

Из открытой двери повеяло холодом. Я тронула тётю за рукав:

– Не пойдём, а? Зачем тебе деньги тратить? Разве лишние? – И для пущей верности соврала: – У меня весь день ничегошеньки не болит. Правда-правда...

– Святые мощи! Гляди-ка, моя умная-разумная племянница боится лекарей, – хмыкнула тётя. – Расскажу дома, никто не поверит.

От смешливого голоса сразу стало легче. Я посмотрела на неё с благодарностью. Каштановые волосы прилипли к высокому лбу, причёска растрепалась, капельки пота стекали по вискам, но глаза Моник сияли задорно, будто вовсе не беда привела нас в соседний город. Моя миловидная тётушка была всего на десять лет старше меня.

– Давай-давай, – подтолкнула она меня к ступеням крыльца. – Ежели мы зря добирались в такую даль, я сгрызу тебя быстрее, чем хвороба. Уж поверь.

Слуга поприветствовал Моник, как старую знакомую, и пригласил нас войти. Я переступила порог. И тотчас не чувство – уверенность: я пришла сюда надолго – опутала меня и смутила. Святая Клотильда! Как же холодно! Я задрожала.

Из полумрака вынырнула служанка в сером платье, белом переднике, со странным колпаком на голове. Она смерила нас взглядом так, будто взвесила каждый су в кошельке тётушки, и, чуть скривившись, объявила:

– Мсьё Годфруа больше не принимает.

– Доброго дня, мадам Женестьева, – засуетилась тётя. – Скажите хозяину, будьте любезны, что Моник Дюпон из Сан-Приеста пришла – та, что травы ему собирала. Мсьё говорил, в любой день примет... Вон меня даже привратник ваш, Себастьян, узнал...

Служанка скрылась, но ненадолго. Через пару минут мы следовали за ней вглубь дома – к холоду, будто уходили из лета в зиму. Шаги отдавались мерным постукиванием деревянных сабо по присыпанным соломой каменным плитам. Сердце требовало: бежать-бежать прочь, но разум заставлял смиренно ступать по коридору.

Тётушка столько хлопотала, чтобы привезти меня к лекарю за добрый десяток лье, не пожалела сбережений, детей малых оставила, а я... Нельзя быть неблагодарной! Люди недаром говорят: лучшего врачевателя не сыскать, мсьё Годфруа де умирающих с постели поднимает, чудеса творит. Но есть и другие слухи: мол, колдун он и чернокнижник. А вдруг, правда?

Я тяжело вздохнула и незаметно для всех перекрестилась.

Служанка впустила нас в просторную комнату. Запахло чем-то кислым и горьким, травами и снадобьями. Я шагнула вперёд и обмерла.

Ах, Святая Дева! Никогда не видела столько книг! Даже в монастыре... А тут и стен не разглядеть – всё сплошь покрыто фолиантами. По корешкам видно: и старыми, и новыми. Были тут и бесценные книги, в переплетах с золотым тиснением, и простые, в грубо выделанной коже, и свитки, перевязанные лентами, и пергамент у окна. Даже на столе книги лежали тут и там неровными стопками.

Мои глаза встретились с глазами мсьё Годфруа, чёрными, умными.

– Юной мадемуазель нравятся книги? Любопытно, – отметил он.

Среднего роста, лекарь был коренаст и некрасив. Бурые усы топорщились над верхней губой. По красноте лица и несвежей коже всякий сказал бы, что мсьё попивает доброе вино не только за обедом. Однако глаза его были слишком живы, пронзительны – пьянице не сохранить такой ясности взгляда.

Святые угодники! Мсьё Годфруа не просто смотрел, он как лучом светил, будто бы видел глубже – намного глубже, чем обычный смертный. А рассмотреть он, похоже, хотел всё, что у меня внутри и даже за спиной. Оробев совершенно, я поздоровалась и сделала реверанс, как подобает воспитанной девушке. Тётя что-то начала говорить.

Лекарь улыбнулся с неожиданным радушием и обратился к ней:

– Ах, Моник, ну, чертовка! Почему не говорила, что прячешь такую красавицу?

– Да разве ж прячу, мсьё? – всплеснула руками тётя. – Наоборот, привела. Вот она, племянница моя, Абели Мадлен Тома. На вас только и надежда...

– Располагайтесь, дамы, рассказывайте, чем обязан такому приятному визиту.

Голос лекаря был мягок и вкрадчив, как у кота, который выпрашивает у кухарки мясо да точно знает, что получит его. А оттого я ещё сильнее насторожилась.

– Девочка наша в обмороки падает, голова у неё болит, порой так, что глаз открыть не может, – затараторила Моник. – Мало того! Если хворому человеку случится быть рядом, она на себя всё берёт. Вон у мужа моего поясницу заломило, и у Абели, как села за один стол отобедать, тоже. У старухи Мадлон, вниз по улице – грудная жаба. И наша Абели задыхаться начинает, если подле окажется... Причем хворым-то легче делается: кому насовсем, кому на малость. А ей хоть на улицу не выходи. Всё хуже и хуже становится...

Тётя рассказывала и вздыхала. А я чувствовала себя неловко, хотя так оно и было на самом деле. Не обмолвилась она только о том, что люди, прослышав, что я боли чужие забираю, чуть ли не каждый день стали приходить под окно, а на улице за руки хватать и за платье дёргать. Потому я на улицу уже боялась нос высунуть, и всё чаще случались дни, когда я совсем не вставала с постели – чужие боли одолевали. Проку от меня в хозяйстве было мало: иногда я с детьми Моник возилась по мере возможности и по дому помогала, как отлежусь.

– Любопытный случай. И давно?

– Три месяца уже. Ей семнадцать стукнуло, и будто проклял кто или глаз чёрный наложил. Помогите, мсьё. Я отблагодарю, вы знаете.

– А живот у мадемуазель не болит? – спросил у меня мсьё Годфруа. – Вот тут, где утерус?

Он показал пальцем чуть ниже талии.

Щёки мои разгорелись, и я опустила глаза. Боже, как стыдно! О моём животе говорит посторонний мужчина...

– Да с чего бы! – всплеснула руками тётя. – Она у нас еще девица.

– Одно другому не мешает, – с хитрым прищуром ответил лекарь. – Так как, Абели? Болит?

Я отрицательно помахала головой.

– А сны видишь?

– Всегда.

– И сбываются?

– Бывает.

Он придвинулся ближе, изучая с неподдельным интересом.

– Скажи, Абели, вам сейчас старик встретился, ничего не почувствовала?

– Почему же? Будто иглами закололо, – я дотронулась до правого бока. – Здесь.

– Поразительно! У того ведь больная печень. А сейчас, милая Абели, сейчас что ты чувствуешь? Болит что-то?

– Зябко тут очень.

Тётушка с удивлением вскинула на меня глаза:

– Как же зябко? Жарищу ведь в окно несёт, словно черти двери в ад притворить забыли.

– Зябко, – упрямо ответила я.

– Ляг на кушетку, – велел он.

Я подчинилась.

Лекарь обхватил мою кисть пальцами и принялся ими надавливать поочередно, будто играл на дудочке. Закрыв глаза. Прислушался.

Мягкие у него были руки – как у женщины. Только тепла не давали, но и не забирали, словно ненастоящие. Или моя кожа не чувствовала, как прежде. Наконец, он сомкнул все пальцы на моём запястье, шепнул:

– Не бойся.

И вдруг тонкая игла легко, будто комар, вонзилась мне прямо над переносицей, между бровей. Я ойкнула, но возмущаться не захотелось, ведь несмотря на холод, мне стало хорошо, спокойно, словно не волновалась тётушка, словно за дверью не сидела служанка, у которой ныл локоть, что стукнула пару секунд назад. Словно не шелестели, как ветер, неясные тени в подвале. И в наступившей прохладной тишине, без чужих болей и эмоций, наконец моя голова перестала болеть.

Глава 2

Из забытья меня выдернул вкрадчивый голос мсьё Годфруа:

– Так что делать будем?

– Что скажете, мсьё, – живо ответила Моник. – Вот прям-таки что скажете, то и будем.

Потому как жизни всё равно нету. Ни нам, ни ей.

– А если скажу её срочно замуж выдать? – хмыкнул лекарь.

– Да я сама хотела: не берут, – принялась сокрушаться тётушка.

– Что так? Девушка красивая.

И Моник тут же выложила всё как духу. В который раз... Ох, лучше б я ещё спала!

* * *

Так случилось, что я сирота при живых родителях. Мой папá – наследник старинного графского рода де Клермон-Тоннэр, встретил маман, когда той едва стукнуло восемнадцать, и был очарован. Зеленоглазой красавице польстило внимание дворянина, куда более богатого и куртуазного, нежели грубоватый муж-лавочник. Не задумываясь ни секунды, она укатила из крошечного городка с графом в Париж.

Там я и родилась в морозную февральскую ночь в доме на улице Ботрейи. Как говорила маман, на роскошной кровати под расшитым восточным балдахином в окружении целого сборища повитух. Балдахин этот я помню до сих пор: всё детство мне хотелось добраться до золочёной птицы на самом верху и дернуть её за хвост...

Граф потакал всем прихотям маман, нанял няню, горничную, кухарку, как настоящей госпоже, и даже пригласил к ней учителя танцев и манер. Мари Тома быстро и думать забыла о черни – своих родственниках на юге Франции, разве только младшую сестру Моник время от времени баловала вышедшими из парижской моды платьями и надоевшими шляпками.

Папá приходил к нам, даже когда его вынудили жениться во благо семьи на какой-то шл... – маман называла её так, что отец краснел и велел выбирать слова. Но Мари Тома не унималась и закатывала истерики, швыряясь в графа дорогой посудой. Нянька Нанон торопилась увести меня подальше, но лязг, звон и брань, какой позавидовали бы возницы и бродяги, слышались по всему особняку.

Граф терпел. А однажды узнал, что маман встречалась с дюжим мушкетером – весёлым усатым дяденькой, который с гиканьем возил меня по комнатам на спине, как боевой конь, а потом умыкал маман в комнату с балдахином и играл уже там с ней. Тоже с гиканьем. Папá впервые позволил себе поднять голос на маман, а затем отправил меня на воспитание в монастырь. Тогда мне было девять.

Пять скучных лет я провела взаперти, за неприступными стенами аббатства Сен-Сюльпис, где единственным развлечением для меня стали книги. Я с усердием посещала уроки домоводства, мечтая, что однажды стану хозяйкой небольшого уютного дома и посвящу себя будущему супругу и пятерым розовощеким деткам. Уж точно, как маман, фривольничать не стану...

В монастыре воспитывались девочки из хороших семей. Обо мне они то и дело перешептывались и придумывали небылицы. От невозможности рассказать все как есть, от того, что я не езжу никуда на праздники, не могу похвастаться подвенечным платьем прапрабабки и галереей портретов дедушек до десятого колена в родовом замке, я чувствовала себя униженной. Но сдаваться не собиралась: чтобы эти высокомерные девицы вкусили унижение хотя бы отчасти, я пыталась быть лучше них во всех предметах и в прилежании.

Честно признаюсь, жажду к шалостям я всё же испытывала, но скрывала проделки так умело, что это доставляло мне тайную радость. К примеру, когда тощую Франсуазу де Бовиль поставили на горох за разрисованную углём стену, я намалевала под кроватью цветок. Тоже углём. Да ещё и фигуру мужчины со шпагой впридачу. Он был похож на мушкетёра маман. Пусть моё творчество никто и не видел, одна мысль о том, что я сделала это и не была наказана так же, как заносчивая дочь баронета, придавала мне силы и чувство превосходства.

Маман навещала меня редко, а от папа приходили лишь записки через посыльного и деньги на моё содержание. Из родственников я только раз видела свою тетю Моник. Она была хохотушкой, и мне понравилась.

Монастырская жизнь окончилась так же, как и началась – внезапно. Однажды ночью меня подняли с постели и повели в приемные покои аббатисы. Там стояла маман в тёмном муаровом платье со шлейфом, как всегда одетая по последней моде и чрезвычайно красивая. Маман вдруг принялась целовать, обнимать меня и обливать слезами мою ночную рубашку, причитая, как тяжела её судьба и что она слабая женщина. Но вскоре маман устала от собственного представления и молвила совершенно спокойно:

– Абели, ты уже не дитя. Ты выросла и вполне справишься со своей жизнью сама.

– Что случилось, маман? – непонимающе спросила я.

– Твоего отца арестовали за вольнодумства. Я всегда знала, что он плохо кончит, – вздохнула маман и картинно отвернулась к окну – в свете лампад перья на её шляпе всколыхнулись, и жуткие тени пронесли по стене. Маман продолжила:

– Имуущество графа конфисковано, король в гневе. Всех, кто с семейством де Клермон-Тоннэр связан, сажают в Бастилию. Заговорщиков ищут. Так что, детка, помни: ты была, есть и будешь Абели Мадлен Тома из Сан-Приеста. Лучше иметь в родне ремесленников, чем благородных висельников. Что смогли, мы тебе дали. А из монастыря тебе лучше уехать.

Она протянула мне кожаный кошель.

– А вы, маман?

– Господин де Лафруа, мой друг, уезжает в Новую Англию. Он звал меня с собой.

Маман ещё раз обняла меня, похлопала по щеке и ушла. Больше я её не видела.

* * *

Мне повезло встретить в гостинице пожилую даму. Та путешествовала из Парижа в Лион. Благодаря её доброте, я добралась до Сан-Приеста целой и невредимой, не попав в лапы разбойников и прохиндеев.

Бабушка с дедушкой были огорошены, увидев впервые на пороге великовозрастную внучку с немудрёным скарбом. Меня встретили словами: «Вот дерьмо! Да это ж наша шалопутная Мари, только помоложе...» За этим последовал поток бранных слов, о значении которых я могла лишь догадываться.

Сложно было представить, что эти жилистые грубые старики с лицами, изрезанными глубокими морщинами, будто ножом краснодеревщика, состоят со мной в каком бы то ни было родстве. Их узкий каменный дом в три этажа пропах мочой, плесенью, прогорклым маслом и ещё чем-то отвратительным. Здесь царили грязь и бедность, а свет почти не попадал в крохотные оконца, затянутые бычьим пузырем. Мне показалось, что я попала в ад.

Благо, на следующее утро пришла тётя Моник и забрала меня к себе. И всё было бы сносно, если бы не обманутый супруг маман, злой плешивый лавочник Ренье. Он жил на соседней улице и торговал домашней утварью в большой лавке. Как сказала Моник, за эти годы он нажил немало и вроде бы перестал поминать грязным словом Мари. Но стоило мне появиться, лавочника словно черти попутали – он то и дело кричал на всю округу, что дочь

потаскухи Мари – такая же, как её мать, расписывая во всех красках пороки моей достойной родительницы. Ренье придумывал козни, сплетни и прочие гадости, будто единственной целью его лавочной душонки было испортить мне жизнь и отомстить таким образом маман. Моник заступалась и как-то даже дала лавочнику по уху тряпкой.

Увы, именно его угораздило прознать про папеньку, которого король решил было помиловать, но едва отпустив, снова засадил за решетку. Похоже, папá опять что-то сказал нелицеприятное для Его Величества, а возможно, даже написал пасквиль. Я точно и не знаю. Но лавочник Ренье быстрее королевского глашатая раструбил на весь квартал, что де дочь вольнодумца и смутьяна тоже отправят в тюрьму, а уж подавно и того, кто на ней женится.

Люди и так на меня косились и судачили всякое, но последние новости и странная болезнь перевесили чашу весов. И ко мне, рожденной во грехе бесприданнице, воспитанной на «карамельях», читающей в книжках один Бог знает что, может, ведьмовские заговоры, к дочери приговорённого к казни графа, по-видимому, проклятой всеми святыми, стали относиться как угодно, но только не как к девушке на выданье.

* * *

– Вот и не берут, – завершила рассказ Моник.

Она поведала, конечно, не всё, как я вам, но в ответ лекарь фыркнул в усы:

– Да уж, занятная история, – и обратился ко мне: – Абели, я вижу, ты не спишь.

Я открыла глаза и села на кушетке, чувствуя себя ещё глупее. Мои щёки разгорелись.

– Да, мсьё.

– Тебе стало легче от моей иголки?

– Да, мсьё. Голова не болит. Я даже заснула.

– Вот и чудненько, – улыбнулся мсьё Годфруа и потёр руки. – От одного раза тебе легче не станет. Надолго, по крайней мере. Возможно, я и не смогу тебе помочь, хотя постараюсь. Но с твоей хворью нужно разобраться, на это уйдёт время – недели, месяц, может, и пару...

– Ах, мсьё, – вздохнула Моник, – боюсь, у меня не хватит денег платить вам так долго. А нет ли какого снадобья, чтобы сразу раз и всё?

– Только если яду, – хмыкнул мсьё Годфруа и уже серьёзно добавил: – Нет, Моник, увы. Но оставлять так нельзя. Боюсь, Абели грозит смерть, если пустить на самотёк.

– Что же нам делать, мсьё?

Лекарь прищурился и посмотрел на меня внимательно.

– Учитывая обстоятельства, думаю, вам придется по вкусу моё предложение. Мне как раз нужна помощница. Точнее, я искал помощника – молодого человека, который записывал бы рецепты и посещения больных, потому как не ожидал найти грамотных среди девушек. Вы, Абели, могли бы работать у меня, а я буду не только лечить и исследовать ваш особенный недуг, но и платить вам, скажем, 2 ливра в неделю. О жилье вам заботиться не стоит – как раз освободилась комната на мансарде, вполне удобная. Тут же сможете и столоваться.

«Два ливра! Это же целое состояние!» – подумала я радостно, но вслух лишь скромно спросила:

– Разве это будет удобно?

– Ещё бы! – воскликнула Моник, заёрзав от нетерпения.

– Можно ли мне подумать, сударь? – всё же спросила я.

– Как угодно, – пожал плечами мсьё Годфруа.

– Что тут думать?! Что тут думать?! Я привезу вещи Абели в Перуж. Завтра же, – забормотала восхищённо тётя.

Предчувствия меня не обманули. Может быть, к лучшему...

Я вздохнула.

– Пусть будет по-вашему.

«Здравствуй, мой новый холодный дом».

Стоило мне это подумать, как сквозь щели в каменных плитах просочился из подвала воздух, потянуло сыростью и мертвечиной. Я вздрогнула и хотела было отказаться, но тут же со сквозняком хлопнули ставни, влетел в комнату жаркий ветер, весело растрепал мои волосы и унёс куда-то под яблони в сад подвальную мерзость. Сердце кольнуло больно в груди, затрепетало и притихло, как испуганный воробей.

Глава 3

Моник, наконец, расцепила прощальные объятия и с сияющим лицом сообщила:

– Поживёшь тут месяцок-другой, исцелишься. А там мсьё Годфруа и не захочет тебя отпускать. Ведь ты у меня такая умница, только старайся. Нам, конечно, будет тебя не хватать, но...

«...лишний рот и заботы ни к чему», – мысленно закончила я и вслух с улыбкой произнесла:

– Не волнуйся. Всё будет хорошо.

Моник ушла. Поспешность, с которой тётя ринулась за моими пожитками, несколько покорила, хотя мне ли привыкать?

Я осталась топтаться в нерешительности у кабинета мсьё Годфруа. Обитые лионским бархатом кресла и эбеновый столик попирали изогнутыми золочёными ножками простейший каменный пол, на котором тут и там желтела солома. Как в обычном деревенском доме! Смахнуть бы её метлой. Я обвела комнату глазами. Грубой ширме, что торчала в углу, тоже никак не пристало стоять рядом с мебелью, которой место во дворце...

Или в доме нет хозяйки, или у той отвратительный вкус.

Моё внимание привлек гобелен на стене. На нём из куцых зелёных кустиков выходила абсолютно голая румяная девица, распутная и шальная. Такую картину уж точно подобало повесить в увеселительном доме, а не там, где бывают почтенные люди.

– Занятная вещица, не правда ли? – оторвал меня от лицезрения непотребства негромкий голос мсьё Годфруа.

Пока я решала, как высказаться поддипломатичнее, лекарь меня опередил.

– Многие называют её непристойной. Но лишь до того, как узнают, что гобелен – подарок самого герцога Савойского. Секундой позже гобелен уже именуют занятым. А наш кюре даже усмотрел в нём эдемские мотивы.

– Вы знакомы с герцогом? – изумилась я совершенно искренне.

– О, да. Хороший врач вхож в любые дома, – не без удовольствия заметил мсьё Годфруа. – Тебе, наверное, неизвестно, милая Абели, что Его Высочество вместе с семьёй предпочитает проводить лето здесь, в Перужском замке, нежели в родной Савойе. Говорят, и климат здесь мягче, и места красивее. Так что ты попала сюда в самое удачное время.

«Вряд ли присутствие герцога в городе украсит моё существование, разве только устроят праздник и будут раздавать бесплатные пироги», – подумала я, продолжая любезно улыбаться и понимающе кивать.

Из коридора показалась всё та же неприветливая служанка в сером платье. Мсьё Годфруа подозвал её жестом.

– Женестьева, познакомься, это мадемуазель Абели, моя новая помощница. Покажи ей дом, сад, лечебные покои.

– А мадемуазель будет...

– Жить здесь. В комнате на мансарде.

Лошадиное лицо служанки вытянулось в недоумении, но она быстро взяла себя в руки.

– Как скажете, мсьё.

– Милая Абели, всё, что тебе потребуется, проси у Женестьевы, она поможет. Да, Женестьева?

Та лишь кивнула, доставая связку ключей из кармана передника.

– Благодарю, мсьё Годфруа, – поклонилась я.

– Осваивайся. Утром введу тебя в курс дела.

Мсьё Годфруа раскланялся и скрылся в дверях своего кабинета.

«Замечательный человек, этот лекарь. Неужели мне, наконец, повезло?» – не могла поверить я, следуя за высокой и суровой Женевьевой. У той, кстати, перестал болеть локоть или я перестала это чувствовать. Ах, волшебная иголка! Моё сердце переполнила благодарность к доктору.

– Здесь лечебные покои для господ, – толкнула соседнюю дверь служанка и пропустила меня в просторную комнату с четырьмя массивными кушетками. Между ними стояли одинаковые чёрные ширмы, затянутые расписным шёлком с золотым орнаментом.

Мда, монастырский госпиталь это не напоминало... Неужели богатые горожане не возражают против процедур в компании? Что за странная прихоть!

Женевьева косилась недобро, вовсе не собираясь отвечать на мои улыбки. Ничего, встречались и посварливей! Ей назло я улыбнулась самой милой из имевшихся в моём арсенале улыбок, и мы пошли дальше.

Через арку, заменявшую дверной проём, я успела разглядеть только тяжёлые синие шторы и громадный камин.

– Столовая для господ, – махнула ключами служанка, – на кухню пройти можно там, под лестницей и прямо, не промахнётесь. А вона выход в сад, гуляйте пока.

Похоже, Женевьева не собиралась провожать меня дальше.

– А вы не подскажите, где моя комната? Я была бы вам очень благодарна.

Служанка фыркнула и повела меня по широкой лестнице вверх. На втором этаже в лицо внезапно ударило холодом, словно Женевьева окатила меня ведром мёрзлой воды, сказав: «Тут покои господина». Я зажмурилась от неожиданности, поперхнулась и закашлялась, непроизвольно обхватив себя руками. Холод был дрожащим, зыбким, почти материальным. Казалось, зачерпни ладошкой и выловишь из воздуха колкое ледяное крошево.

Когда я открыла глаза, служанка смотрела на меня, как на сумасшедшую.

– Не было заботы... – буркнула она и протянула ключик на розовой тесьме. – Ещё этаж вверх, зайдёте в узкий проход и по винтовой лестнице. Там только ваша комната.

– Благодарю, Женевьева, – пробормотала я, пытаюсь не дрожать от холода. – Н-надеюсь, мы подружимся.

Ничего не ответив, служанка поторопилась обратно, а я, стиснув в пальцах ключ, что было мочи припустила вверх по ступеням. Словами не передать моё облегчение, когда холод остался позади.

Я не стала сразу искать проход к винтовой лестнице, а уступила своему любопытству и отправилась осматривать третий этаж. Жилые комнаты пропитывало успокаивающее тепло, тут витал приятный, сладковатый запах, какой я привыкла улавливать от малышей Моник.

Пёстрые деревянные кубики валялись в беспорядке на небольшом диване, голова полуодетой тряпичной куклы свесилась с изящного стола. Рядом с ней лежало незаконченное рукоделие. Со спинки высокого стула ниспадала на деревянный пол нежно-лимонная шёлковая шаль. Будто её обронили только что. И куда все исчезли?

Ящики резного комода были задвинуты не плотно и вразнобой, из одного из них ярким пятном выглядывала красная атласная лента. Я потрогала её и опустила обратно в ящик, бесшумно задвинув тот до конца.

Казалось, жившие здесь дети и женщина уехали в спешке, впопыхах. Мне снова стало не по себе. Их что-то заставило? Или кто-то? А вдруг хозяин не так мил, как кажется? У кого бы спросить?

Я дёрнула за ручку дверь из морёного дуба. Заперта. Шумно вздохнув, я вернулась к месту, откуда начала свое исследование, свернула в проход и обнаружила колодец с лесенкой, узкой спиралью убегающей вверх и вниз. Дверца комнатки под самой крышей с лёгким скрипом поддалась, впуская меня в новое жилище.

Кровать, аккуратно накрытая одеялом из бежевой шерсти, старый сундук с трещинками вдоль кованых углов, узкое бюро, покрытое тонким слоем пыли, керамическая кружка на нём с засохшим букетом фиалок, грубый стул и кувшин в глубокой миске, всё застыло здесь в хрупкой печали, замерло в ожидании меня. Ну что ж, вот и я!

Распахнув створки маленького стрельчатого окна, я впустила внутрь жаркий майский вечер и вместе с ним жизнь с её гомоном, шумом и весенними запахами. Свесившись наружу, я рассмотрела двор с уютным садом, увитую ещё не распустившимися розами беседку. Краснощёкая носатая женщина несла на вытянутой руке убитую курицу. Видимо, кухарка. Она зашла в дом где-то прямо под моим окном. Наверное, и винтовая лестница сделана специально для прислуги и спускается прямо в кухню. Удачное соседство!

Привратник Себастьян проскрежетал затворами на воротах. Лобастая, чёрная с подпалинами собака бегала вокруг и пыталась вилять куцым обрубком хвоста.

Я присела на краешек кровати и осмотрелась. А ведь комнаты, отданной лишь в моё распоряжение, у меня не было с тех пор, когда я жила с маман на улице Ботрейи... И чего я вдруг надулась на Моник? Она же хочет мне добра. В Сан-Приесте вряд ли стоит надеяться на счастливое будущее, а здесь – новая интересная жизнь, новые люди, книги, загадки... Непонятный холод? Да тьфу на него! Может, это отголоски моей дурацкой болезни. Не стоит искать дурного там, где тебе готовы помочь. И, хвала небесам, здесь не встретишь лавочника Ренье на соседней улице!

Боже, а ведь ничегошеньки не болит. И сил у меня до самой крыши. Как же чудесно быть нормальной семнадцатилетней девушкой, а не старой немазаной телегой! Я подпрыгнула на мягкой перине, провалилась в неё и расхохоталась.

Послышался шум раскрывающихся ворот. Любопытство потянуло меня к окну.

Во двор на гнедом коне въехал всадник. Шляпа с перьями скрывала его лицо, но безо всяких сомнений я назвала бы того дворянином, ведь шпагу на боку, камзол и перекинутый через одну руку плащ простолюдин или купец не надел бы. Одежды незнакомца были тёмными, с мятыми кружевами на рукавах и воротнике. Интересно, кто это? Выставив грудь и подавшись вперёд, я оперлась локтями на подоконник, не думая, что меня могут увидеть.

Незнакомец спешил и, отдав поводья Себастьяну, вдруг посмотрел вверх, прямо на меня. Я даже замерла – так он был красив! Волнистые тёмно-каштановые волосы ниспадали на широкие плечи, прямой нос, правильный овал молодого мужественного лица, небольшая чёрная борода и усы над яркими, будто у мальчика губами. При виде меня трагизм в его тёмных глазах сменился таким изумлением, как если бы молодой человек увидел оранжевую ворону с розовым бантом на шее. Молодой человек встряхнул головой, будто прогоняя видение, и, сдвинув брови, всмотрелся в моё лицо. Я смутилась и спряталась в комнате.

Сердце моё застучало. Отчего он был так хмур и печален? Кто здесь жил до меня? Я плюхнулась на кровать и сложила руки на коленях. Нет, меня это не касается. Я только полечусь и, возможно, даже останусь здесь работать. Буду записывать рецепты и принимать с доктором больных. Вот и всё. Какое мне дело до гостей хозяина и до их взглядов? Совершенно никакого! И не интересно ни чуточки... И...

Я достала из кружки поникший букетик, прошлась от одной стены к другой. Куда б его выкинуть? Швырнуть в окно, он имеет все шансы приземлиться в перья на шляпе мрачного красавца. Я хмыкнула. То-то удивится!

Я отложила увядшие фиалки и переплела косу. Скажу вам, это было дело не одной минуты, у меня очень длинные волосы, и коса, если туго не затягивать, выходит толще моей руки. Кстати, коса была ещё одним поводом для гордости в монастыре – таких волос, каштановых, блестящих и густых, не было ни у одной из девочек.

Если в чём-то Господь и был добр ко мне, так это в том, что наградил подобной внешностью. Аббатиса даже сказала однажды после заутрени, что с Абели Мадлен можно иконы

писать, если не Деву Марию, то ангела или херувима уж наверняка. Златокудрая выскочка Люсиль де Монтрей, которая точно считала себя ангелом во плоти, тогда надула губы и целый день со мной не разговаривала. Я же посмеивалась и думала, что титул при желании купить можно, а вот лицо, характер и волосы – не получится.

* * *

Во дворе стихли голоса. Я не удержалась и опять выглянула туда, теперь пытаюсь оставаться невидимой. Но, кроме долговязого Себастьяна с собакой, смотреть было не на кого.

А, между прочим, если воспользоваться моей лестницей, кажется, я попаду прямо на кухню. Не век же мне сидеть в этой комнате. Мсьё Годфруа позволил здесь столоваться. Того красивого шевалье я наверняка и не увижу, он ведь пришёл к лекарю, хотя...

В отражении окна я ещё раз поправила причёску, складки на юбке, потёрла щёки пальцами, чтоб разрозовелись, и, пытаясь не бежать, принялась спускаться по винтовой лестнице. Как я и догадалась, та привела на цокольный этаж, причём чудесным образом обвела вокруг второго, и странного холода я не почувствовала. Я сделала пару шагов по коридору и решила, что кухня должна быть за этой широкой дверью. Но я ошиблась. Помещение, в которое я попала, напоминало скорее госпиталь для бедняков. На одной из четырёх кроватей спала тучная женщина под несвежей простыней.

Я уставилась на жутковатые приспособления на белой материи, накинутой поверх некрашеного стола, и другие, видно недавно использованные, в лохани с покрасневшей водой. На каменном полу еще не засохли бордовые пятна. Это кровь? Брр, здесь комната пыток?

Кто-то зашёл позади меня. Я вздрогнула.

– Крови не боишься? – с вызовом спросила Женестьева и потянулась за тряпкой в углу.

– Нет. Что с ней? – кивнула я не спящую. – Умирает?

– Вот ещё, – сердито крикнула Женестьева, подтирая пол, – завтра домой пойдёт. Потасила, дурёха, бочку с лягушками на рыночную площадь, да в обморок грохнулась. Будто не знала, что на сносях. Кровотечение началось, насилу остановили.

– А ребёночек?

– Что ребёночек? Раньше надо было думать. Мсьё Годфруа всё что мог сделал. Отлежится и домой пойдёт.

Женестьева выжала кровавую юшку в лохань.

– Идите, мадемуазель, ещё успеете насмотреться.

Я почувствовала, что меня вот-вот стошнит. В коридоре я увидела как спасение выход во двор. Где-то кто-то кричал и ссорился, но мне было всё равно. Здесь в саду пышно цвела сирень, фыркала лошадь незнакомца, которую поглаживал по холке Себастьян. Он подмигнул мне. Я выдохнула и направилась к нему – может, хоть с привратником удастся поболтать, как с человеком.

Едва я приблизилась к Себастьяну, с парадного крыльца выбежал тот самый незнакомец. На бегу он нахлобучил шляпу и, обернувшись к дому, кому-то погрозил кулаком. Лицо шевалье было искажено яростью. Наши глаза встретились. От неловкости я попыталась робко улыбнуться. Увы, он даже в гневе был красив. Чересчур.

Взглянув на меня снова, он презрительно сощурился и громко крикнул в сторону крыльца:

– Чёртов извращенец! Ещё запах одной не выветрился, а он уже поселил у себя новую шлюху!

Я потеряла дар речи от возмущения:

– Да... Да... как вы... смеете...

Шевалье злобно зыркнул на меня и, выхватив из рук Себастьяна поводья, вспрыгнул в седло. В считанные секунды молодой человек пришпорил коня и выехал в поспешно распахнутую Себастьяном створку ворот. Я посмотрела на крыльцо – там стоял мсьё Годфруа с холодной усмешкой на лице.

Глава 4

– Глупый щенок, – негромко, будто бы и не мне, сказал лекарь. – Наслушался бредней и повизгивает.

Слёзы предательски защипали в глазах, и я стиснула зубы, чтобы не разреветься у всех на виду. Обидно! Несправедливо! Ладно услышать оскорбления от злобного плешивого лавочника, но от дворянина, едва увидевшего меня! За что? Неужели я, правда, похожа на?.. О, нет, Святая Клотильда! Убежать бы, спрятаться от всех, как мышь, куда-нибудь в подпол. Но я заставила себя сделать реверанс мсьё и с высоко поднятой головой пошла к двери возле кухни.

Мсьё Годфруа нагнал меня.

– Вы хорошо держитесь, Абели.

– Благодарю.

– В работе это вам пригодится, пациенты бывают весьма взбалмошными, особенно богатые.

«И зачем он пошёл за мной? А вдруг здесь и, правда, нечисто? Будет рассказывать, что не такой? Я же в его власти...» – зароились тревожные мысли в моей голове, слёзы высохли сами собой, и стало страшно. На ночь запрусь обязательно, и стулом дверь подопру... Или сундуком.

Но мсьё Годфруа как ни в чём не бывало сказал:

– А вы правы, дело к ночи. И в этот час все дороги ведут куда? – он сделал многозначительную паузу, во время которой у меня внутри всё оборвалось, и добавил: – В кухню.

Лекарь одёрнул сюртук и, пропустив меня вперёд, как равную, указал на большой деревянный стол посреди просторной комнаты.

– Прошу, мадемуазель.

Окна кухни были распахнуты, шкафы и шкафчики, наполненные посудой и утварью, подпирали подкопчённые стены. Живописными красными гроздьями свисала с потолка паприка, тянулись к полу сетки с коричневатыми луковицами, трепетали на сквозняке нити сушёных грибов и гирлянды развешенных от угла до угла пучков трав. Пронзённая вертелом упитанная курица, уже подрумяненная местами, испускала в пламя капли жира. Тот с шипением падал на камни и испарялся. Я вспомнила, что только в полдень подкрепилась овсяной лепёшкой.

Краснощёкая женщина средних лет отвлеклась от стряпни и бросилась нам навстречу. Несмотря на длинный нос и некую угловатость, она показалась мне симпатичной.

– Мсьё тут кушать изволите, как обычно?

– Да, Софи. Накрывай.

Кухарка разулыбалась и хозяину, и мне, развела приветливо руками:

– Всё почти готово. И птичка не пролетит, как ужин будет на столе. Доброго вечера, мадемуазель, проходите-проходите, располагайтесь.

Мсьё Годфруа представил нас друг другу. Выдвинул грубо сколоченный стул и пригласил меня сесть, а сам устроился на таком же напротив. Расстегнув верхние пуговицы сюртука, мсьё Годфруа откинулся на спинку и с удовольствием вытянул ноги:

– Уж извините меня за отсутствие манер. Вы пока ещё чувствуете себя гостьей, но, надеюсь, быстро освоитесь и простите мне крестьянские замашки. Я, знаете ли, предпочитаю жить по-простецки. Без пышных галантерий¹ и реверансов.

– Так даже лучше.

¹ От франц. *Galanterie* – вежливость.

– Вы молодец, Абели. Всё больше убеждаюсь, что правильно поступил, пригласив вас к себе, – сказал он и потянулся за бутылкой, оплетённой ивовыми прутьями. Разлив бордовую жидкость в пару кубков, он подвинул один ко мне: – Настоятельно рекомендую, мадемуазель. Прохладное Монтаньё в такую жару весьма приятно.

– Монтаньё?

– Отменное вино – лучшая достопримечательность Перужа.

– Благодарю, мсьё.

Пока я крутила в пальцах керамический кубок, ещё переполненная мыслями и сомнениями, стоит ли принимать пищу из рук чужого господина, на столе появилось блюдо с желтоватыми ломтиками сыра канталь и кусочками подёрнутого белёсой корочкой нежного камамбера. Ему составили компанию розетки из свежих артишоков, наполненные паштетом из печени раскормленного гуся, нарезанная грудинка и домашняя колбаска андуйетт, украшенная сверху зеленоватыми веточками тимьяна.

Ловко, как жонглёр, Софи высыпала из кувшина в миску крупные оливки величиной со сливу и поставила их рядом с непривычно светлым, золотистым хлебом. Ещё мгновение, и кухарка водрузила в центр стола прекрасно зажаренную пулярку, пахнущую так, что у меня тотчас потекли слюнки.

Ничего себе простота! Не припомню таких яств и в праздники, разве только в детстве – на улице Ботрейи...

Лекарь попил вино, глядя куда-то в сторону. Наконец, он притянул к себе тарелку и поднял на меня глаза.

– Как ваше самочувствие, Абели?

– Спасибо, всё хорошо.

Я решила-таки и положила в рот сочную оливку. Отхлебнула вина. Терпкое, вкусное. Жажда и жара одолевали, я сделала ещё несколько глотков, почти опустошив кубок.

И вдруг кровь забила по вискам, застучала, я почувствовала, как начала жечь кожа на кисти – так же, как в тот раз, когда я плеснула на себя случайно кипятка у Моник.

Не понимая, что происходит, я скользнула взглядом по кухне и увидела, что кисть у кухарки перевязана. Ожог, – поняла я. Голова закружилась. Заломило локоть на другой руке. Я обернулась – вошла суровая Женевьева.

О, нет! Только не это! Всё возвращается! Из-под пола потянуло холодом, он прокрался под юбку, окрутил меня шелестом неясного шёпота, тревогой. Я задрожала.

– Что с тобой?

Мсьё Годфруа оставил кубок.

– Абели, ты меня слышишь? В чём дело?

– Я, я... снова чувствую.

– Что-то болит?

– Да, – я дотронулась до ноющего виска. – Голова. Кисть, как у Софи, локоть, как у Женевьевы...

– Потрясающе.

Лекарь подскочил со стула и наклонился ко мне, взял в ладонь ужасно жгущую кисть, проделал ту же манипуляцию, что и днем. Жжение не прекращалось.

– Не знаю пока, что именно возвращает твою способность. Но можно сделать вывод, что или вино, или отрицательные эмоции, которые ты, очевидно, испытываешь, прекратили воздействие акупунктуры.

Софи и Женевьева вытаращились на нас и замерли по своим углам.

– Подойдите-ка, – велел лекарь и сказал: – Не пугайся, Абели. Ты ведь затем приехала, чтобы разобраться. Потерпи немного. Готова?

Я кивнула.

– Софи, давай сюда руку. Что за повязка? Обожглась или порезалась?

– Ой, мсьё, дёрнулась давеча, ещё в обед, суп с огня снять да о котёл шваркнулась, прости Господи. Щиплет теперь, как черти кусаются.

Мсьё Годфруа подумал секунду.

– Абели, твои ощущения?

– Жжёт в том же месте.

Лекарь размотал тряпку, выставив напоказ побагровевшую, вспухшую мерзкими пузырьками кожу. Я поморщилась и с сочувствием взглянула на Софи, которая выглядела почему-то виновато. Она хотела было взять руку, но лекарь не позволил.

– Посмотри, Абели. Ты и так чувствуешь всё то же, что она. А скажи, хотела бы помочь?

– Д-да, наверное, но вдруг... у меня станет так же.

– Не бойся, Абели. Рядом с тобой самый уважаемый врач провинции, вылечим. Но не попробуешь, не поймёшь. Доверься интуиции. Итак, что бы ты сделала?

Я с опаской поднесла пальцы к вызывающей неприязнь ране, дотронулась сначала до здоровой кожи кухарки, тёплой, суховатой, потом осторожно, едва касаясь, опустила кончики пальцев на ожог. Софи громко, через зубы втянула воздух.

«Я хочу помочь», – подумала я и тут же вскрикнула – резкая боль горячей лавой влилась в мои пальцы, прокатилась от самых кончиков до кисти, превратилась в жгучий комок – я даже увидела его, этот пылающий грязно-красным, отсвечивающий злостью и чувством вины шарик. Я прикусила губу.

Волдыри у Софи побелели и расплзлись, как по волшебству, кожа стала ровной. Может, чуть более розовой, чем остальная поверхность руки, но от ожога и следа не осталось. «Наверное, эти жуткие пузырьки сейчас вздуются у меня... Ой, мамочки! Помогите, святые угодники», – взмолилась я, чувствуя холодные капли пота на спине.

– Больно? – спросил мсьё Годфруа.

– Д-да. Очень.

– Закрой глаза.

Я подчинилась. Холодный палец лекаря нащупал крошечную ямку на моём носу, прямо возле уголка глаза, и с силой нажал на неё.

– Представь, что боль растёт, – спокойный голос лекаря стал громче, напористей, будто давил на меня извне так же, как палец на точку у носа. – Боль увеличивается. Становится всё больше, ярче. Ещё ярче, сильнее. Она жжёт. До кости прожигает. Тебе больно. Ещё больнее. И ещё. Боль становится невыносимой. Ощути её. Полностью.

Я чувствовала всё точно так, как он говорил. Слезы сами потекли из глаз, но я представляла, представляла эту чёртову боль. Ненавидела её и представляла, усиливала до тех пор, пока не выдержала и не закричала дико, и вдруг... боль исчезла.

Я слотнула и открыла глаза. Всё так же ломило в висках, тянул локоть, но жжения в кисти не было. Ошарашенная кухарка вертела исцелённой рукой перед своими глазами и быстро крестилась другой, бормоча что-то под нос.

– И как теперь, Абели? – спросил лекарь.

– Лучше. Прошло.

– Умница, – улыбнулся в усы мсьё Годфруа. – Кажется, мы кое-что нащупали. Хочешь попробовать с Женевьевой?

Перед моими глазами и так плыло, но я не успела сообразить, что ответить, как служанка строго сказала:

– Не стоит, мсьё. Смотрите, барышня вона в обморок падать собрались.

И, правда, всё балансировало вокруг, будто меня усадили на качели. Во рту стало сухо. Я встряхнула головой и зажмурилась, чтобы не видеть жёлто-зелёные пятна, круги и звёздочки перед глазами.

Лекарь подхватил меня на руки и перенёс на лавку.

– Женевьева, срочно иглы сюда. Софи, завари в кипятке базилик, вербену и корень граната.

Все засуетились, лекарь принялся растирать мне виски, а я в пелене тумана видела его красноватый нос и пушистые усы, мне казалось, что они висят в воздухе совершенно отдельно.

– Не отключайся, Абели, – сказал мсьё Годфруа. – Рассказывай что-нибудь.

– У вас усы оторвались, – промямлила я.

– Вот это новость. Говори дальше.

– И руки холодные, как у покойника.

– Да-да, кровообращение ни к чёрту. Сейчас иголка тебе поможет, девочка. Скажи ещё что-нибудь. Давай-ка.

Полупьяная, я облизала губы. Ничего в голову не шло, кроме брошенного мне оскорбления.

– А кто тот человек, который обозвал меня... и вас? Который в шляпе с перьями...

– Ах, он, – усы и нос снова заплясали в тумане. – Увы, Абели, тот резвый негодяй, готовый при случае разодрать мне плотку, – мой сын. Этьен.

Иголка вонзилась мне в лоб над переносицей, я отключилась.

Глава 5

Я распахнула глаза и тут же зажмурилась от ярких лучей солнца. Как, уже утро? Я приоткрыла ресницы снова. Солнце сияло на розовеющем небе во всей своей торжественной простоте. Птицы весело щебетали. Прямо над моей головой болтался на седой нити паучок. Улетит, если дунуть? А где я? И тут до меня дошло, что я утопаю в перине в той самой комнате на мансарде. В одной рубашке.

Ничегошеньки не помню... А как я очутилась в кровати? Кто меня раздел? Боже, надеюсь, не мсьё Годфруа! В голове возникли танцующие в воздухе усы. У меня перехватило дух, и я вскочила.

Вещи мои были аккуратно сложены на стуле, туфли стояли рядом. В стекле приотворённого окна отразилась моя всклокоченная голова и сосредоточенное до глупости лицо.

Ну вот, а кто-то собирался дверь запереть и сундук подвинуть. Ха! Паучку и тому смешно!

Я опустила ступни на деревянный пол и с опаской приподняла рубашку до самых бёдер. Всмотрелась в собственные голые ноги. Нет, по ним никак нельзя было понять, случилось ли со мной то самое, пока я была в беспамятстве, или нет. Ноги как ноги. Я вздохнула. Надо было у Моник расспросить, что чувствует девушка, когда она уже... не девушка. Воображение услужливо подсунило яростное лицо Этьена и грозный выкрик: «Новая шлюха». Я поёжилась.

В дверь постучали. Я мгновенно забралась обратно в кровать, натянув по самый подбородок простыню, и пискнула:

– Войдите.

Толкнув плечом дверь, в проём сунулась Софи с подносом в руках.

– Утро доброе, мадемуазель! А я всё думаю, проснулись вы, нет ли. Решила, что с хорошим завтраком, и утро добрее улыбнётся.

– Проснулась, – кивнула я. – Только не уверена, что оно доброе.

Софи поставила поднос на бюро и обеспокоенно всплеснула руками.

– Плохо вам ещё? Ай-яй, это ж из-за меня. Вы мне ранку-то убрали, а сами-то... Я всю ночь не спала, всё думала, как вы, мадемуазель.

– Нет, не в том дело, не переживайте. Я совершенно ничего не помню, что ночью было, и от этого чрезвычайно неловко. Вы случайно не знаете, мсьё Годфруа принес меня сюда?

– Ага, он. Сказал, до утра проспите. А я потом раздела вас, уж не серчайте. Не мять же платье.

Будто камень упал с моих плеч, и я облегчённо улыбнулась:

– Правда?

– А чего ж мне врать? Я заглядывала к вам пару раз, боялась, вдруг чего.

Софи улыбалась мне в ответ, тёмные круги под глазами говорили о том, что она действительно провела беспокойную ночь. Я с радостью выскочила из кровати.

– Милая-милая Софи, – я готова была её расцеловать. – Благодарю вас!

– Слава Деве заступнице! Вижу, вам лучше. Вот, откушайте. А то вчера и не удалось. Я молочка принесла и блинчики Сюзетт. Они у меня особенно хороши.

Софи пожелала приятного аппетита и собралась идти, но я коснулась её плеча.

– Не уходите. Тут для меня всё непривычно, непонятно, как-то немного не по себе. Новое место, я никого не знаю. А вы, кажется, очень хороший человек. Присядьте, я прошу вас.

Софи села на краешек стула, сложила на коленях руки. Пальцы её, грубые, красновато-жёлтые, с вьёвшейся грязью от постоянной чистки овощей и клубней, сжались. Почему?

– Хорошо, мадемуазель.

– Зовите меня Абели.

– А вы надолго к нам, Абели?

– Если стану хорошей помощницей мсьё, наверное. Я надеюсь.

– А что же делать будете?

– Рецепты записывать, вести учёт посетителей, как сказал мсьё Годфруа.

– Это как же вы больных принимать сможете, ежели вам даже через повязку от меня больно стало? А Женевьеву с локтём её ушибленным вы вообще спиной учуяли! К мэтру ведь с чем только не заявляются господа: кто на дуэли поранился, кто с чахоткой, с корью и лихорадкой, дамы беременные или с дитями хворыми. Простой люд и подавно: кого лошадь задавила, у кого кровь хлещет, аж смотреть страшно. Как же вы с ними будете?

Я опешила. Эта мысль не приходила мне в голову. И верно, что же я за помощница при моём недуге? А если меня спасти придётся то от одного, то от другого, как вчера? И выключаться буду так же? Да уж, работница... Курам на смех!

Я пробормотала:

– Не знаю... Иголлка мсьё помогает мне стать обычной.

Софи покачала головой.

– Ах, бедняжка. А как же вы до мэтра жили?

В глазах кухарки читалось живое человеческое участие, почти материнская жалость. И оттого мне самой себя стало жалко. Как я жила до вчерашнего дня? Как старый крот, что прячется в нору и света белого не видит. Вернулось ощущение никчёмности, стыда и отчаяния, вспомнились непрекращающиеся боли, кочующие по телу, внезапный кашель или зуд, ломота в костях и лихорадочная дрожь. Как жила... Устала я от неё, от всей моей жизни, будто старуха, и уже привычно хотелось вовсе не просыпаться, ведь новый день не сулил ничего хорошего. Что бы ни случилось вчера здесь, в сравнении с двумя прошедшими месяцами, этот день был лучшим.

Я закусила губу и всхлипнула.

– Ну-ну, девочка. Всё хорошо будет.

– Не уверена. Возможно, и отсюда меня скоро выгонят. Ведь от меня лишь проблемы. Не знаю, чем я могла прогневать Господа: в церковь ходила, Святое Писание читала, посты соблюдала как добрая католичка... Но видимо прогневала... Он меня проклял.

Я хлюпнула носом сильнее, уткнула лицо в ладони и разревелась.

Рука Софи ласково погладила меня по голове и притянула к своему плечу. От неё пахло корицей и мятой, сладкой карамелью и цитрусом.

– Что ты говоришь, глупенькая? Разве проклял? Даром трудным наградил тебя Всевышний, девочка. Да, верно, потому, что ты выдержать его можешь. Сильная, значит, хоть с виду – чистый воробышек. Ты меня исцелила вчера, на себя боль забрала. А ведь я с больной рукой не одну б неделю мучилась. Представь, на кухне-то... Я так благодарна тебе, девочка!

Тепло от кухарки шло такое же, как от моей няни в глубоком детстве. Доброе, сердечное. Я притихла и, нехотя отстранившись, вытерла слёзы.

– Вы так думаете?

– Конечно. – Кухарка заглянула мне в глаза. – Всем, кого Господь награждает, трудно. Это бесталанным легко – живи себе и живи, и думать не надо. Не зря ты сюда попала, девочка, – мэтр наш научит тебя, что делать. Может, ему и не помощница вовсе нужна, а ученица. Такая вот необычная. С даром.

Эта мысль показалась мне самой светлой из всего, что я передумала о предложении мсьё со вчерашнего дня. На душе стало легче, будто мозаика вдруг сложилась сама собой.

– Спасибо вам, Софи. Простите, что я вот так поддаюсь эмоциям...

– И не думай прощения просить, я сама себя виноватой чувствую.

– Не надо. А мсьё... можно ему доверять, как вы считаете? Он хороший человек?

Софи мудро улыбнулась.

– Человек как человек. Святых туточки не бывает. Все, кто чист, на небо возносятся.

– Но его сын...

– Тот сам не без греха. На самом деле, ещё поди разберись, у кого из них пуще бесы играют: у старого в ребре или у молодого в другом месте. Тьфу! Послушай доброго совета: не вмешивайся в их семейные дела – учись, чему учат, выполняй, что поручают, доверяй себе больше, чем другим. Поверь, сам Господь тебя сюда и послал. А раз послал, мотай на ус его уроки и пользуйся тем, что дают.

Софи пододвинула ко мне поднос:

– Вот меня Господь надоумил завтрак тебе вкусный приготовить. Ешь блинчики, пока тёплые.

* * *

Я заглянула в распахнутую дверь кабинета.

– Доброе утро, мсьё! Я готова приступить к работе.

Лекарь в просторном чёрном балахоне, в пенсне на кончике носа, оторвался от чтения какой-то огромной книги и, придерживая пальцами ветхую страницу, кивнул.

– Оправилась от вчерашнего?

– Да, мсьё. Всё хорошо.

Он поманил меня к себе и вложил в книгу переплетённую косицей кожаную закладку с бахромой на краях. Взял мою кисть, осмотрел внимательно.

– Итак, Абели, нам с тобой понятно, что ты перетягиваешь на себя только ощущения.

– Не совсем.

– Ну-ка.

– Когда я дотронулась до раны Софи, это было, знаете, как если б через пальцы в меня влили горячий, густой перчёный суп. И я видела шар, он светился красным и чёрным. Я поняла, что в момент ожога Софи на кого-то разозлилась, а потом на себя за это тоже разозлилась, почувствовала виноватой.

– А на кого и почему разозлилась?

– Не знаю. Этого мне не дано.

– Занятная метафизика. Давай-ка проверим твой пульс и доши.

Лекарь снова принялся играть на моем запястье, как на дудочке, и слушать что-то, понятное только ему.

– Скажи, Абели, сильно ли ты испугалась вчера исцеления Софи?

– Было необычно. Больно. Жутковато. Но в целом, наверное, я смогу повторить. Софи говорит, это дар, а не недуг.

– И это так. Но если только ты научишься целить тех, кого сама решишь исцелять, и закрываться от всех остальных.

– Я готова. Как это сделать?

– О-ля-ля, какая прыткая мадемуазель! – хмыкнул лекарь. – Поблагодари, что есть аку-пунктура – китайские иглы и целая наука о воздействии на человеческий организм.

Я покраснела.

– Благодарю, мсьё.

– Итак, вино, сидр и прочее будешь пить только, если захочешь открыться, или если я велю. Будем экспериментировать. Судя по тому, что я прочитал, с мужчинами тебе придётся вести себя осторожно. Увы, любовные утехы могут лишить тебя дара и попросту убить, в лучшем случае – свести с ума. В древности такое случалось. Что выпадет именно тебе, мы не знаем.

Лекарь ткнул пальцем в старинную книгу.

– Вы имеете в виду, что мне не дано выйти замуж? – пробормотала я в ужасе, не готовая распрощаться с мечтой о домике с развесистой грушей у крыльца, пятерых детках, о добром муже, большом, как медведь, который будет любить меня и приносить с охоты зайцев, курить трубку и шутить за ужином... Из-за этого я сойду с ума? Умру?.. Невозможно.

– Какой замуж? – буркнул мсьё Годфруа. – Тебе выбирать надо: жить или умирать. Замуж! Один замуж на уме.

– Простите, мсьё, – выдавила я из себя.

А перед глазами багряный ветер сносил черепичную крышу с домика моей мечты, бурые комья грязи вперемешку с травой и колючками от высохшего кустарника понесли по милым, столь привычным моему воображению комнатам, буря со свистом и рыком ломала ветки груши, жгла молнией ствол, чернила копотью стены. И осталось пепелище. Брошенный обгоревший камин посреди поля с торчащей сиротливо трубой. И я рядом. Чумазая. Жалкая. Но живая.

– Абели... – послышалось откуда-то издалека.

– Абели! Я кому говорю! – рявкнул мсьё Годфруа, и я увидела его пушистые усы, сурово вздымающиеся над бледными губами, жёлтые зубы и покрытый серым налётом язык.

– Да, мсьё.

– Прекрати устраивать драму. В монастыре ведь жила, и так проживёшь.

Он протянул мне исписанные корявым почерком, местами рваные, с сальными пятнами листы.

– Перепиши это начисто, и разложи по алфавиту.

– Хорошо, мсьё.

– Можешь работать у себя в комнате или в саду в беседке. Сегодня тоже будет жарко.

Я присела в реверансе и отправилась в сад. В животе моём стало пусто, будто всё женское моё лекарь только что вырезал, вырвал одним из тех жутких инструментов. Разве что без боли. Может, боль в таком случае лучше?

И внезапно на смену горькому ошеломлению пришла злость. Красная, пылающая. Я ещё такую никогда не испытывала. На разгульную маман, родившую меня во грехе, на забывшего обо мне вольнодумца папеньку, на его породистых родственников, чтоб им пусто было, на короля, Моник и на плешивого Ренье. Но затем всю эту злость я собрала воедино и сконцентрировала на образе дерзкого красавца-шевалье. Попадись он мне ещё раз, назови шлюхой или распутницей – я сжала в кулаке перо так, что ногти впились в ладонь, – и этот заточенный конец пера я воткну ему прямо в глаз. Или что там ещё, что окажется под рукой. Нет, не только ему. Любому обидчику.

Глава 6

Поначалу я выписывала буквы старательно и аккуратно, но вскоре уже водила пером резво, как завзятый писарь. Благо, еще в монастыре я натренировалась переписывать катехизис для аббатисы. Что и говорить, эта работа мне нравилась куда больше, чем стирка белья или ощипывание перьев с дохлой утки. Бодрая злость подстёгивала меня, и, возможно, из-за неё я не испытывала затруднений, разбираясь в безобразных закорючках на латыни, достойных лапы пьяного в стельку петуха.

...Пурпурная лихорадка у десятилетней Мартины де Тайон, падучая у некоего мсьё Паре сорока лет от роду, золотуха у купца Эрбе, туберкулёз... В общем, вряд ли стоило завидовать посетителям мсьё Годфруа. Особенно тем, историю которых приходилось резюмировать кратко: *solutus* – скончался. Их было много – не знаю, специально ли лекарь выдал мне список почивших, намекая на перспективы, или просто был не таким уж чудесным врачевателем, но к обеду я перестала вздрагивать и представлять предсмертные муки всех этих несчастных. Се ля ви.

Несмотря на предсказанную жару, в тени сада было сносно, лишь периодически донимали мухи – можно подумать, у меня патокой на темечке намазано. Звуки открывающихся ворот, разговоры и топот копыт во дворе после полудня стихли, и уже ничто не помешало мне дописать подробности счастливого избавления неизвестной мне мадам Трюффон от лёгочной лихорадки при помощи барсучьего жира три раза в день, топлёного сала, разведённого на молоке, безоара и медовых лепёшек на спину и грудь. На этой весьма позитивной ноте опись больных закончилась.

Запустив перо в почти опустевшую чернильницу, я попала с лёту. Хороший знак.

Я подула на бумагу. Удостоверившись, что чернила подсохли, я аккуратно собрала «лекарские летописи» в стопку и направилась в кабинет мсьё. В приёмной и коридорах было безлюдно. Только одна девушка крестьянского вида удручённо прошла мимо меня вслед за Женеьевой в сторону палаты для бедных.

* * *

– Что, уже? – удивился мсьё Годфруа, когда я с чувством полного удовлетворения выложила перед ним свой труд.

– Да.

Он мельком взглянул на исписанные листы.

– У тебя прекрасный почерк.

– Благодарю, мсьё. Аббатиса всегда говорила, что я сильна в каллиграфии.

Продолжая заниматься чем-то своим, лекарь взял с полки деревянную ступку и бросил туда немного сухой яичной скорлупы, что горкой лежала в миске на столе. Активно начав толочь ее, он промурчал в усы:

– Абели, а напиши-ка покрасивее на пустой этикетке. Да-да, вот на этой, что прямо перед тобой лежит. «Рог Единорога. Принимать с осторожностью».

«О Боже! Святая Мария! Единорог! Где он взял единорога?! Воистину этот человек волшебник», – подумала я, едва не запрыгав от восторга и любопытства. Надеюсь, этот единорог остался жив, и у него снова вырастет рог. Интересно, а какого он цвета? Пожалуй, даже буквы для Жития Святых я не выписывала столь благоговейно. Я закончила, с волнением ища глазами сказочный рог. Но мсьё Годфруа взял с полки пустую склянку, высыпал

туда толчёную скорлупу и, выхватив из моих пальцев чуть ли не светящуюся от восхищения этикетку, примотал её к горлышку серой бечёвкой. Я сглотнула и не удержалась:

– А где же единорог?

– Пасётся где-нибудь, – хмыкнув, ответил лекарь. – Отнеси это мсьё Живазу, хотельеру. Его гостиница находится на центральной площади Перужа, так что не промахнёшься. Всё время вниз и налево.

– Но мсьё...

– Что не так? – тёмные глаза лекаря насмешливо уставились на меня.

– Но ведь это же... скорлупа... от яиц, а не рог единорога.

– Естественно, – пожал плечами он. – Этому глупцу хотельеру лишь бы полечиться. Уж поверь, даже без акупунктуры ты бы не почувствовала от него болей. Здоров как бык.

– Так зачем же... Ничего не понимаю... А это не вредно? – я кивнула головой на склянку. – Для здоровых?

– Бог с тобой! Только кости крепче будут. Неси скорее. О скорлупе молчок, – лекарь заговорщицки поднёс палец к губам. – Иначе с чего я смогу платить тебе два ливра в неделю?

– Хорошо мсьё, – ответила я, присев в реверансе.

Я вышла за ворота со склянкой в руках и пошла, куда велел мсьё. Щёки горели. Я не знала, как же справиться с охватившим меня возмущением и растерянностью. Лекарь-чудотворец не брезгует шарлатанством? Святые Небеса! Как теперь жить?

Улочка, с изгибом убегающая вниз, вела мимо дома стеклодува с кованой вывеской над крыльцом, мимо деревянных прилавков, висящих на цепях у широких окон булочника, мимо похожих друг на друга, как близнецы, каменных домов с крошечными палисадниками, в которых синели ирисы и отцветали последние жёлто-красные тюльпаны. Камни на стенах и мостовой были практически одинаковыми – чуть округлыми, бело-серыми, иногда желтоватыми. Под ногами, там, где не растекались зловонные лужи помоев, булыжники поблескивали, отполированные за века подошвами прохожих.

Так же было и на площади, от которой отходило множество улиц во все стороны. Тут царило оживление: ходили деловитые ремесленники и важные мещане в добротных сюртуках, сновали раскрасневшиеся торговки с корзинами, пробегали посыльные мальчишки со свёртками, два дюжих молодца покатали к кабаку на углу бочки с вином. Стучали колесами по брусчатке повозки, цокали копытами лошади.

Гостиницу я нашла сразу. Красные разрисованные вывески, развешенные на ставнях, не позволили ошибиться. Опираясь на толстые поперечные балки, над первым выступали верхние этажи здания, укрепленные потемневшими от времени досками, издалика похожими на орнамент. Подоконники распахнутых окон гостиницы были уставлены цветочными горшками с алыми пеларгониями.

Я помешкала немного, с сомнением глядя на склянку с фальшивыми останками единорога. Вот так запросто можно превратиться в шарлатанку, соучастницу обмана. Ведь это нечестно! Неправильно! Но, с другой стороны, есть ли у меня выбор?

Набравшись смелости, я шагнула внутрь и известила приветливого слугу, что ищу мсьё Живаза. Меня направили в ресторанцию.

За дубовыми столами, выстроившимися вдоль побелённой стены и окон довольно длинного зала, сидели в основном мужчины всевозможных возрастов и рангов. С потолка, подпёртого массивными балками, свисал железный фонарь с ажурной ковкой. Такие же, но поменьше, красовались возле входной двери и над стойкой. За ней взъерошенный, плохо выбритый чернявый толстяк раздавал указания грудастой, розовощекой девице. Наверняка это хозяин – мсьё Живаз.

За парой столов вино текло рекой, доносились грубые шуточки и хохот. Увы, мне придётся пройти мимо всех этих пьяных мужланов. Но поручение есть поручение. Я набрала в

грудь воздуха и, представляя себя важной дамой, гордо направилась вперёд. Выкрики «Эй, красавица! Я влюблён! Посмотрите, какой розан!» я пропустила мимо ушей и даже не повела бровью.

Теперь вы, любезные судари, толстые и тощие, красавцы и уроды, толстосумы и нищие вояки, для меня как деревья в графском парке. Есть, и ладно. Раз мне замуж нельзя, то и с вас проку никакого. Восхищайтесь, господа, восхищайтесь.

– Мсьё Живаз, – премило улыбнулась я.

Толстяк в расстёгнутой до середины груди рубашке с засаленными манжетами обернулся и расцвёл.

– Что угодно, мадемуазель?

«Да когда уже у вас всё масло в глазах переведётся?!» – в сердцах подумала я, и мои сомнения вмиг как рукой сняло.

– Лекарство от мсьё Годфруа, – продолжила я улыбаться и протянула склянку с яичной скорлупой. – Принимайте с осторожностью.

Толстяк тотчас вспомнил, что болен, осунулся лицом и глубокомысленно закивал.

– Премного благодарен, мадемуазель. Мсьё Годфруа давно обещал, и никак. Но я понимаю... понимаю. Где ж его взять, если оно... – изрёк мсьё Живаз, запнулся на полуслове и таинственно задрал палец.

В мою ладонь опустился увесистый кошель.

– О, мадемуазель уже наложила свои жадные лапки на чужие деньги! – послышался за спиной знакомый голос.

Переполненная возмущением, я обернулась и увидела Этьена. Нетвёрдой походкой он подошёл к стойке и облокотился, одарив меня презрительной ухмылкой.

– Это деньги мсьё Годфруа. И вы не имеете права так со мной разговаривать! – сказала я, чувствуя нарастающую злость при виде нетрезвых глаз наглеца и красивых губ, растянутых в фальшивой усмешке.

– Конечно, они принадлежат этому мошеннику Годфруа, моему папаше. И уж никак не вам.

С этими словами Этьен выхватил кожаный мешочек из моих рук и бросил на стойку:

– Эй, дружище Живаз! Я там задолжал тебе что-то. Можешь списать долг.

Хотельер недоумённо смотрел на нас и, видимо, боролся сам с собой.

Во мне всё вскипело от ярости – в желудке стало горячо, будто туда насыпали фунт перца, и я выпалила:

– Нет уж, мсьё, обойдётесь. Деньги предназначались не вам. И не вам решать, что с ними сделать. Я отнесу их мсьё Годфруа.

Я схватила кошель, но рука Этьена в перчатке накрыла мою кисть, будто лапа коршуна. Он сузил глаза.

– Не тебе, маленькая шлюха, мне указывать.

Я не ответила, с ненавистью глядя в эти карие глаза с длинными, как у девицы, загибающимися на концах ресницами. Хотелось только одного – стереть ухмылку и самодовольный прищур с лица негодяя. Пальцы свободной руки сжались сами собой, но... я никогда и никого не била. Ни разу в жизни. Это было и есть ниже моего достоинства. Хотя бы отчасти, но я всё же... графиня. И потом, что я сделаю этому широкоплечему молодчику?

Но вдруг багряным пламенем внутри жар поднялся по позвоночнику и вырвался горячей лавой наружу – ударив из макушки прямо в потолок, он расплескался в зал ресторации позади меня. В нём пульсировала мысль: если я не могу, тут мужчины есть. Пусть кто-нибудь это сделает. Большой и крепкий. За меня... Да так, чтобы этому Этьену пусто было! И потребует извиниться. Совершенно произвольно я представила, как крупный кулак впицается костяшками в его скулу, обтянутую гладкой, смуглой кожей...

Будто в ответ на мой призыв за спиной Этьена вырос русский мужчина в добротной одежде. Огромный, почти великан. Похоже, он тоже был навеселе.

– Извинитесь, милостивый государь, перед дамой.

Этьен отмахнулся от него, как от мухи.

– С радостью, сударь. Но где вы видите даму?

Я зажмурилась от негодования, и в моём воображении Этьен полетел вниз головой под лавку. Жуткий грохот заставил меня открыть глаза – Этьен, шатаясь, пытался встать из-под лавки, кожа на скуле была рассечена, а шляпа уткнулась перьями в чей-то суп.

Блондин, вступившийся за меня, потирал кулак и, казалось, сам был удивлён произошедшим. «Вот молодец! – обрадовалась я. – Всё-таки помимо замужа мужчины ещё к чему-то пригодны! К примеру, защищать от негодяев».

– Да как ты смеешь, бастард! – вскочил, наконец, Этьен на ноги и выхватил шпагу. – Я тебя убью!

– Извинись, – пробормотал здоровяк, вместо шпаги легко поднимая над головой стул за одну ножку. – А потом разберёмся.

Глава 7

Не прошло и минуты, как сломанная пополам шпага Этьена отлетела в сторону. Отлетел в проход и сам Этьен – великан швырнул его, как щенка. Тот едва поднялся, и спинка тяжелого стула врезалась ему в живот. Сын лекаря охнул и, перекувыркнувшись, упал плашмя на соседний стол. В драку с азартом ввязались хмельные посетители. Воздух разрезал звон битой посуды, удары и ругательства. Разносчицы завизжали, хозяин спрятался под стойку, укрываясь от жареных перепелов, обрётших вторую жизнь в полёте, – с весёлыми выкриками «Девуц тут не обижают!» их метал, как снаряды, поддатый бородач.

Выпившие посетители ресторации били не только Этьена, но и друг друга, с треском ломая мебель о чужие спины и головы. Лишь малая толика еще не успевших пригубить послеобеденного вина бросилась к выходу, оглядываясь на внезапно разразившееся сумасшествие. Зеваки на площади столпились возле гостиницы и заглядывали в окна, с воодушевлением подначивая дерущихся. И всё же больше всего тумачов доставалось Этьену, да таких, что мне стало страшно за своего обидчика.

– Хватит, – растерянно пробормотала я. – Не надо...

Мой великан-защитник не унимался, будто «живая статуя» грека Дедала с заводным механизмом внутри. Верзила, похоже, был готов продолжать, пока Этьен не сдастся. Но тот, сжав зубы и отбиваясь чем только можно от великана и всей толпы, не собирался передо мной извиняться и тем более признавать поражение. Он взмок, его лицо покрылось кровоподтёками и ссадинами, с губы и носа стекали струйки крови. Двое крепышей с остервенением набросились на него сзади. Кто-то ткнул в Этьена шпагой.

«Они же его убьют!» – с ужасом осознала я и заорала не своим голосом:

– Прекратите!

Никто не обратил внимания.

Прижавшись к стойке, я судорожно пыталась понять, что же делать. «Думай-думай, дурная! Ты затеяла! Всё началось, когда ты почувствовала огонь. А что способно его погасить? Ну же!»

Я представила, что с чёрных балок на головы драчунов, как из огромного ведра, льётся вода. Не помогло.

Итак, огонь возник из меня, пусть и вода тоже появится во мне! В желудке похолодело, словно я наглоталась снега. Он начал таять, и я направила вверх по позвоночнику светящий голубоватым светом ледяной поток. Он взмыл к балкам и фонтаном обрушился в зал. Воображаемая талая вода лилась и лилась, утекала куда-то под пол, и я продрогла, словно и вправду вымокла под дождём.

Драка замедлилась, и нетрезвые, как один, посетители внезапно потеряли всякую охоту махать кулаками. На потных лицах взъерошенных в схватке мужчин отразилось недоумение. Одни к разочарованию зевач лениво вернулись за уцелевшие столы, другие, позёвывая, поплелись вон, а третьи – заснули прямо на поле боя. Из-за стойки слышался раскатыстый храп мсьё Живаза.

Выдохнув с облегчением, я сгребла в карман передника кошель с деньгами и бросилась к Этьену. Тот лежал на полу распростёртый в неестественной позе и не шевелился. Над ним стоял великан, рассматривая свою громадную пятерню, словно решал, куда ее деть.

– Хватит, – жёстко сказала я.

Великан с остекленевшим взглядом на широком и, как оказалось, добродушном лице кивнул.

Я склонилась над Этьеном. Прислушалась. Он дышал, но был без сознания. На плече сюртук и рубашка пропитались кровью. Её солоноватый запах, смешанный с потом и сильным перегаром, показался мне невыносимым.

Боже, Боже! Что делать? И спросить некого... А вдруг он из-за меня умрёт?

Я закрыла от ужаса рот ладонью. Увы, на помощь Этьену никто не спешил. Видимо, с таким характером он друзьями не обзавёлся. Зеваки только рассуждали вполголоса: кто я, любовник ли он мне, окочурится ли на месте или дольше протянет.

Каким бы Этьен гадом ни был, ему всё-таки нужна помощь. Я решительно поднялась. Великан так и стоял подле меня, будто слуга в ожидании указаний. Вот я и распорядилась:

– Поднимите его. Осторожно. Несите к мсьё Годфруа, к лекарю.

– Угу, – почему-то подчинился мне великан и взвалил Этьена к себе на плечо. – Куда?

– Следуйте за мной, любезный, – сказала я строго.

И наша странная процессия направилась вверх по улице.

* * *

Я не могла понять, почему огромный блондин тащится за мной, как покорный ослик, и что вообще происходит, но видом своего удивления не выдавала. Эдак еще опомнится верзила, сбросит Этьена на булыжники, а я уж точно этого несчастного наглеца не дотащу. Пока же напрашивался вывод, что великан по сравнению с другими посетителями ресторации – самый восприимчивый или, наоборот, самый заторможенный. Но волновал он меня меньше всего.

Я оборачивалась то и дело, и, глядя, как безжизненно свисают голова и руки моего обидчика, отнюдь не чувствовала радости за то, что отомщена. Сердце сжималось. Я не улавливала чужой боли сейчас, оставаясь под воздействием утренней иглы, которую привычно вколол мне между бровями мсьё. Но в душе было так скверно, что и не передать.

Пока мы шли, я мысленно смирилась с тем, что лекарь отправит меня ко всем чертям. Поделом.

Себастьян вытаращился на нас, когда мы вошли в ворота.

– Мсьё Годфруа у себя?

– В кабинете был.

– Сюда, – поманила я пальцем великана.

Через пару минут он уже свалил на кушетку тело Этьена.

Не разглядев ещё лица раненого, мсьё Годфруа пробормотал, кивая на великана:

– Ничего себе улов. Без добычи не ходишь? – но тут же я вздрогнула от вскрика: – Этьен! Чёрт возьми! Жив?! Кто его так?!

Лекарь склонился над сыном, пытаюсь нащупать пульс. Видимо, нащупал – облегчение мелькнуло на лице мсьё Годфруа, но оно тут же снова стало суровым.

– Кто это сделал, я спрашиваю?! Онемела, Абели Мадлен?

Не зная, что сказать, я развела руками, запнулась и брякнула:

– Я...

– Как это ты? У тебя что, баллиста в юбках запрятана или палица в переднике?

– Ну... не своими руками, мсьё, так... вышло... Я не хотела...

Лекарь всмотрелся в ещё остекленевшие глаза белокурого великана и зло сплюнул на пол.

– Потом разберёмся. Голема своего вон выстави. Или нет... пусть воды принесёт. Ведро. Лучше два. И Женевьеву сюда зови. Чего застыла, как соляной столб? Марш, я сказал! – прорычал мсьё Годфруа.

С воплем «Женевьева-Женевьева, сюда!» я бросилась по коридорам и к колодцу. Великан – за мной.

Служанка как сквозь землю провалилась.

Мы вернулись в кабинет, великан со стуком поставил ведра на каменный пол, расплескав. И я махнула на него:

– Всё, спасибо. Идите, идите домой!

Блондин вышел за дверь, а я обратилась, переводя дыхание, к лекарю:

– Нет Женевьевы. Давайте я сделаю, что смогу.

– Наделала уже! – рявкнул лекарь, разрезая рубаху на сыне.

У меня внутри похолодело: помимо синяков и ссадин на обнаженном мускулистом торсе юноши сочились кровью несколько колотых ран.

– Проклятье! – Лекарь сунул мне в руку бинты и показал: – Держи тут и тут. Крепко дави. Надо остановить кровотечение. Да не трясись, чёрт тебя побери!

Ледяными пальцами я прижала к плечу и боку Этьена серую ткань, и она быстро стала напитываться алым. Под моей ладонью стало горячо и влажно. Я сглотнула и прижала сильнее, пытаюсь сдержать кровь. Лекарь сосредоточенно обрабатывал другие раны и перевязывал их. Потом оттолкнул меня и занялся этими.

– Вон чистая тряпка. Смой кровь с его лица.

Я дрожащими руками принялась это делать – красавца Этьена было не узнать под распухшей, разбитой маской. Я решилась спросить:

– У вас есть здесь алкоголь?

– Зачем тебе? – не понял лекарь. – А-а, нет, не стоит.

– Но я же могу...

Лекарь поднял на меня чёрные глаза, в них сверкала такая же мстительная злость, какую я видела у Этьена:

– Смертельных ран нет. Отлежится. Может, поумнеет.

Мне было не понять, видимо, ни отца, ни сына. Я снова со страхом глянула на почти голого, беспомощного Этьена и закусила губу. Моё мнение тут не требуется.

Мсьё Годфруа буркнул:

– Ещё успеешь принести пользу. А этот болван зелёный ничего не поймёт, пока жизнь не научит. Сам наверняка нарвался. В следующий раз меня рядом может и не быть...

В дверь забежала служанка.

– Звали, мэтр? О, Господи...

– Чёрт побери, Женевьева! – явно обрадовался лекарь. – Где шлялась?! За работу! А ты, Абели, иди, погуляй.

– Уже, мэтр, – отозвалась служанка и тут же оттеснила меня.

* * *

Чувствуя невероятную усталость и опустошение, я вышла из кабинета. Чужая кровь коркой стянула пальцы. Смыть бы её. Я поторопилась во двор, распахнула дверь на крыльцо и чуть не убила ею великана. Он стоял всё так же с видом послушного гигантского ослика.

– Почему ты не ушёл? – мой язык не поворачивался и дальше говорить ему «вы» при таком придурковатом выражении лица.

– Госпожа тут, – промямлил он и преданно посмотрел на меня замутнёнными глазами. «Эх, хоть кому-то я нужна», – мелькнула мысль. Но, кажется, когда я заметила его впервые, великан таким идиотом не выглядел.

Я нервно хмыкнула – а замечательная из меня выходит целительница: одного чуть в могилу не свела, второй превращается на глазах в недоумка. Может, я – просто ведьма?

Склонив голову, я уныло разглядывала личного великана. С одной стороны, удобно всегда иметь под рукой вот такого детину – никого можно не бояться, но... я аж сплюнула три раза через плечо и перекрестилась от своих демонических мыслей.

Нет, пора от него избавляться. Точнее, его от меня избавлять. И, по логике, если этому заторможенному воображаемая вода не помогла, попробуем настоящую. Возможно, хоть с ним я могу ещё повернуть вспять мои неконтролируемые способности...

– Как зовут тебя? – спросила я великана.

– Огюстен, – не мигая, ответил тот.

– Огюстен, значит, – кивнула я. – Пойдём за мной.

Он сам вытянул из колодца полное ведро воды и протянул его мне. Я посмотрела на Огюстена снизу вверх: и как окатить такую гору на двух ногах?

– Наклони голову, – велела я.

Он согнулся пополам, чуть не воткнувшись лбом мне в грудь.

– Нет, лучше сядь. Ага, вот сюда, на травку.

Великан сел, а я взобралась на пень, еле подтягивая на руках ведро. Посмотрела на расходящуюся в нём кругами воду – поплевать в неё, что ли? Вздохнула, перекрестилась сама и перекрестила холодную колодезную воду. Со словами «Отпускаю тебя, Огюстен. Ты свободен» я перевернула на русую макушку ведро и замерла – получилось ли?

Парень вздрогнул, встряхнул головой и поднял ко мне удивлённое лицо.

– Святой Бонифас! Где это я?

Глава 8

Я смотрела из окна на звёзды. В доме и во дворе всё стихло, только шорохи в саду и трели цикад нарушали покой тёмно-синей ночи. Пролетели две летучие мыши и спрятались прямо под моим окном. У них там гнездо? Впрочем, какая разница? Хоть бы и драконы там гнездились, всё равно. Только от прохладного ветерка, ласкающего щёки, было приятно, от всего остального хотелось наложить на себя руки.

«Моник не приехала, – с тоской подумала я. – Неужели она так сразу обо мне забыла? Или вздохнула с облегчением, скинув обузу?»

Вот и русский верзила несколько часов назад, смущённо похлопав глазами, выслушал мою сбивчивую благодарность за то, что «заступился и помог», залился краской, как мальчишка, и улизнул, едва отворились ворота.

И этому я была не нужна. Надо было оставить великана этим, как его... послушным Големом. Всё было бы больше проку.

Он ушёл, и я понуро отправилась в приёмную – ждать, когда лекарь закончит возиться с сыном и выставит меня из своего дома. И куда мне идти? Пешком в Сан-Приест? Или в лесу хижину построить и жить с медведями и кроликами?

Наконец, мсьё Годфруа вышел из кабинета, вытирая руки застиранным полотенцем. Он недобро взглянул на меня и приказал:

– Рассказывай, Абели Мадлен. Чтоб как на исповеди.

И, пытаясь не смотреть ему в глаза, я рассказала: про деньги, про пьяных, про драку, про странный жар внутри, который всё начал, и про растаявший голубой снег, который усмирил драчунов.

Лекарь внимательно слушал меня, поджав губы под рыжеватыми усами, и наконец подытожил:

– Выходит, нам известны два твоих состояния: или ты чувствуешь чужие болезни, или ты можешь использовать некую внутреннюю субстанцию, которая воздействует на пьяных. То есть ты можешь ими управлять. Хм, почему на пьяных? – на минуту задумался мсьё Годфруа, кивнул и пробормотал сам себе: – Ах да, китайцы говорят, при опьянении можно перенестись в мистическое пространство бытия. Или человека туда затянуть. Вот ты, Абели Мадлен, и затянула. Всё понятно. Сейчас проверим, можешь ли ты это делать, когда всё чувствуешь. Как понимаю, игла, снимающая твою чувствительность, еще действует. Уберём её действие вином. Пойдём.

Мне было ничего не понятно, на кончике языка так и вертелся вопрос: «Я – ведьма?», но я не решалась даже произнести это вслух, и потому лишь спросила:

– А Этьен?..

– Я уже сказал тебе всё об Этьене! – вспыхнул лекарь. – Или тебя посадить под замок, чтобы не лезла в чужие дела?!

Я сжалась от сухого окрика и помотала головой.

Мсьё Годфруа созвал всех в кухню и поставил передо мной полный кубок. Я взяла его обеими руками и начала пить. Во рту стало противно от кислого привкуса вина, но я глотала, пока не увидела дно. Лекарь стоял надо мной, скрестив руки.

Я вытерла рот тыльной стороной ладони и впервые поймала нечто, идущее от мсьё, – он показался мне окутанным бурым туманом с грязными потёками, похожими на злость и тёмные помыслы. Жуть. Похоже, лишь жажда метафизического эксперимента удерживала мсьё Годфруа от того, чтобы вытрясти из меня все внутренности.

Лекарь наполнил кубок снова. Я покорно опустошила и его. В голове слегка затуманилось. Серой неприятной зыбью всколыхнулся напротив меня страх и недоверие Софи.

Напряжённая, как струна, она тоже пила вино, делая это безо всякого удовольствия – лишь бы выполнить приказ хозяина. Суровая и спокойная Женевьева сидела рядом. Она неторопливо потягивала вино из большой чаши с продольной трещинкой – служанке и, правда, было на всё наплевать. Себастьян разом выглушил полную кружку и вторую. Он бы осушил ещё, раз хозяин позволяет, но не решался. Только косился на меня с опаской.

– Ну, давай, вызывай свой жар, – потребовал лекарь. – Посмотрим, на что ты способна.

Сконцентрироваться не получалось, от вина на пустой желудок всё вокруг закружилось.

– Не могу, мсьё, простите.

Я старалась казаться меньше.

– Конечно. Тебе нужна эмоция. Сильная эмоция, – лекарь обвёл глазами кухню, взял нож и вдруг занёс его надо мной и заорал прямо в лицо: – Так я продырявлю тебя так же, как ты моего сына! Что? Хочешь? Хочешь?!

Я втянула голову в плечи и разрыдалась.

– Простите, мсьё, простите! Я, правда, не хотела... я не знала... клянусь вам...

– Чёрт! – лекарь швырнул нож на пол. – Мне от тебя нужен твой огонь внутри, а не слёзы с извинениями. Сосредоточься немедленно!

Ничего не вышло. Я плакала взахлёб и не могла остановиться. Лекарь, наконец, потерял терпение и буркнул:

– Ясно. Чтобы ты не самовольничала, похоже, нужно держать тебя пьяной.

Сквозь хмельной туман я испугалась еще сильнее: что он имел в виду – держать пьяной? Как собаку на привязи, чтобы не кидалась?

Но мсьё Годфруа произнёс гораздо мягче:

– Успокойся, Абели. На сегодня ты свободна. Извини, я был груб, но... ты и сама понимаешь... – он махнул рукой и обратился к слугам: – Софи, отопри комнаты Этьена. Кровать подготовь. Женевьева и Себастьян, помогите перенести его наверх.

Едва они вышли, я стрелой взлетела по винтовой лестнице к себе в комнату. Меня обуревали смешанные чувства: я сама не могла разобрать, в чём виновата и виновата ли. Кажется, Этьен не сожалел бы, даже увидев, как меня четвертуют... Можно ли наказывать и винить меня за попытку защититься, за те силы, которые творят, что хотят, и за то, что я не могу удержать их в себе? Откуда они взялись? В кого или во что я превращаюсь? Неизвестно.

Единственное, в чём я почти не сомневалась, было осознание, что у лекаря есть на меня планы. Им движет вовсе не стремление помочь. Но что? Я не понимала. Интерес ученого, алчность, месть или что-то ещё? И от этого непонимания во мне зародился страх – тот самый, холодный, материальный, который можно зачерпнуть из воздуха ложкой.

Всё расплывалось вокруг, но я не чувствовала себя пьяной. Я села к окну и решила: дождусь, когда все отойдут ко сну, и найду в кабинете мсьё Годфруа тот потрёпанный вековой фолиант. Если лекарь не собирается помочь мне вернуться к нормальной жизни, значит, сделаю это сама.

* * *

Прикрывая ладонью свечу от сквозняков, я пошла вниз по винтовой лестнице. Меня пошатывало, но я старалась ступать неслышно.

В кухонном очаге тлели угольки, переливались в груде пепла золотым и алым, будто россыпь драгоценных камней. Дрожащее пламя на чёрном фитиле высветило шкафы и полки, накренившийся полупустой мешок, перевернутый вверх дном котёл.

Есть хотелось ужасно. На столе я обнаружила плетёную корзинку, накрытую полотняной салфеткой. Под ней пряталась круглая буханка с небрежно обломанными краями. Я

отставила свечу и оторвала ломоть. Впилась зубами в мягкий, ароматный хлеб и закрыла глаза от удовольствия. Боже! Когда голоден, нет ничего вкуснее хлеба!

Незаметно для себя я съела бóльшую половину булки. Ещё бы попить... Сунула нос в кувшин на окне, пахнуло сладковато-кислым запахом перебродивших яблок – сидр!

Я и так пьяна, так что плевать. Доела оставшийся хлеб, запивая сидром. В желудке благостно потяжелело, на душе стало теплее. Надо будет днём присмотреться, где у них что лежит, и впредь наносить ночные визиты в кухню, не то с экспериментами лекаря я скоро из платья буду на ходу выскакивать. Я сгребла крошки со стола, отправила их себе в рот напоследок и встала. Ножка стула мерзко проскрежетала по каменному полу, заставив меня вздрогнуть.

Я затаилась на пару минут, наострив уши. Похоже, никто не услышал.

Со свечой, плачущей крупными восковыми слезами на медный подсвечник, я направилась к кабинету, выдумывая отговорки на всякий случай. Скажу им: не спалось, и я решила почитать что-нибудь полезное для работы.

В мрачных лабиринтах коридоров было так тихо, что даже шорох моих юбок казался ужасающе громким. Возле палаты для бедных я вздрогнула и схватилась за живот. Закрутило в пояснице, внутренности стали тяжёлыми. Я заставила себя переставлять ноги. За углом выдохнула с облегчением: отпустило.

Несомненно, там кто-то был. Та же женщина, что лишилась ребенка? Или кто-то ещё?

Вот и приёмная. Я дёрнула ручку, и дверь в кабинет легко поддалась. Я застыла со свечой в руке, глядя на уставленные полками книги, и тяжело вздохнула: здесь можно веками искать то, что тебе нужно. Проще начать со стола. К моему изумлению, потрёпанный гигантский фолиант со странными знаками вместо названия лежал на самом видном месте.

От предвкушения тайн и загадок, которые откроются мне, по спине побежали мурашки. В волнении я положила руки на затёртую чёрную обложку. Книга будто отозвалась – иначе откуда бы возникло это жаркое покалывание в пальцах? Такое ощущение испытываешь, когда замерзшие на морозе руки опускаешь в горячую воду. У меня перехватило дыхание. Книга была живой! Невероятно!

С трепетом я открыла ее, и на меня тут же накатило разочарование – всё было исписано непонятными знаками. Магическая тайнопись или заморские иероглифы?

Тщетно я переворачивала жёлтые страницы в поиске хоть чего-то понятного. В самом начале книга изобиловала рисунками растений и цветов. Неужели про мою болезнь писали китайские садовники? Я, конечно, тот еще розан, однако мне уже не до шуток. С досадой я захлопнула фолиант. То ли пылинки взвились в воздух, то ли свеча дала такой странный эффект, но с уголков фолианта облачком всплыли серебряные искры. Я встряхнула головой – даёт о себе знать сидр с вином?

Искр больше не было. Я наклонилась к древнему фолианту и еще ярче почувствовала невидимую силу, окружающую его.

– Книга, а книга, – шепнула я, почти касаясь губами тёртой кожи с выдавленными иероглифами, – подскажи мне, пожалуйста: кто я? Что мне делать?

Я зажмурилась, представляя свой вопрос в светящемся золотом шаре, и направила его внутрь книги. Показалось, что он нырнул туда и растворился, словно мёд в кипятке.

Задержав дыхание, я наугад перевернула толщу страниц где-то посередине.

В глаза мне бросились схематичные контуры человеческих фигур, разделённые тремя осями там, где должен быть позвоночник. Жирные стрелки указывали какое-то движение вверх и вниз по этим осям. Всё это было непонятно, но отчего-то знакомо.

У меня даже перехватило дух, когда на следующей странице я увидела на двух иллюстрациях, как стрелки, исходящие из живота нарисованного человека, создавали вокруг себя облако. Внутри него находились крошечные фигурки людей. На одной те были изображены

со злыми рожицами, скалившими нереально большие зубы, на другой – окружающие человечки спали. Вокруг всё было исписано иероглифами.

«Зачем, скажите, зачем нужно было столько лет учить латынь, чтобы потом самое важное оказалось на тарабарском?!» – в отчаянии подумала я.

Последующие страницы были испещрены человеческими контурами, схемами стрелок, закрученными вовнутрь и вовне. У меня захватывало дух, и колотилось сердце от нетерпения раскрыть описанную иероглифами тайну. Что же, придётся применить хитрость и найти подход к секретничающему лекарю. Я бы ещё долго рассматривала непонятные изображения, но внезапно так сильно захотелось спать, что я решила отложить мои исследования на следующую ночь.

Позёвывая, я пустилась в обратный путь. Свеча догорала. Свернув в очередной проход, я слышала голоса в кухне. Святые угодники! Это были мсьё Годфруа и Женестьева. Тоже хлебушек воруют по ночам?

Я юркнула на главную лестницу, остановилась на мгновение, пытаюсь вслушаться в их разговор. Но в бормотании мужчины и женщины ничего нельзя было разобрать, словно и они разговаривали на тарабарском.

Вздыхнув, я решила, что на сегодня секретов с меня хватит – не в каждую тарелку стоит кидать свою щепотку соли. Крадучись, я поднялась до этажа с апартаментами мсьё. За несколько секунд, пока миновала пролёт, ещё больше протрезвела, словно побывала под ледяным душем. Дрожа, я добежала до третьего и уже ступила в коридор, ведущий к винтовой лестнице, как вдруг всё тело заломило, словно откуда-то сзади, исподволь подкрались боли. Они были разными: тянущими, колющими, ныли и ломали. В голове ухнуло, и начал расплываться туман, будто меня огрели туго набитой подушкой. Я обернулась.

Опираясь о притолоку, в дверном проёме стоял Этьен. В шляпе, подштанниках и с голым торсом, обмотанным бинтами. Ноги его подкашивались. На пол с плеча Этьена съехало что-то чёрное. Наверное, плащ.

Качаясь, сын лекаря поднял на меня глаза:

– Снова ты... ведьма...

«Мерзавец последний, – подумала я. – Его только не хватало».

– Костюм великолепен. Сегодня танцы у дураков? – не удержалась я от смешка. Впрочем, весёлым он не вышел, потому что мне стало совсем туго: казалось, под глазом всё вспухло, в висках начало стрелять, в плечо, руку, бедро и бок тонким лезвием вонзилась боль. Святые угодники! Я готова была поклясться, что сейчас из воображаемых ран на самом деле хлынет кровь.

– А ты чего на шабаш не полетела? Метла сломалась? – процедил Этьен и рухнул.

Я громко ойкнула и схватилась за перила, чтобы не упасть тоже. Слабость навалилась на меня, я еле удержала подсвечник. Второпях задув огарок, я выронила его и уцепилась обеими руками за поручни. Надо было собрать всю волю, чтобы броситься прочь и позвать лекаря. Я оторвалась от перил, но убежать не стала. Напротив, приблизилась к Этьену, подтягивая правую ногу, на которую едва могла наступить. Чуть не плача, я опустилась на четвереньки возле молодого человека. Этьен попытался подняться, но его раненая рука соскользнула, и он бессильно откинулся на тёплое дерево пола.

– Чёрт побери! Если ты решила переспать со мной, то выбрала не самый удачный момент. Приходи завтра, – выдавил из себя он, пытаюсь превратить гримасу боли в усмешку.

Даже в темноте его лицо было белым. Моё, наверное, тоже.

«Господи, какой отвратительный тип», – подумала я и, собравшись с духом, дотронулась ладонью до распухшего кровоподтёка на скуле.

– Я хочу помочь, – произнесла я и втянула в себя обжигающую красную лаву.

Глава 9

Я тут же пожалела об этом, потому что стало ещё больнее. Этьен дёрнул головой, чтобы стряхнуть мою руку, но раскалённая ладонь словно прилипла к его коже.

– Чёрт! Что ты делаешь?! – воскликнул он. – Прекрати!

– Потерпишь, – прошипела я сквозь зубы, понимая, что стоит разжать их, и я заору на весь дом. Я положила вторую ладонь Этьену на грудь.

Мои руки затряслись от кончиков пальцев до плеч – словно по венам текла не кровь, а расплавленное олово с тысячами крошечных железных шариков, ошетилившихся острыми колючками. Они безжалостно драли всё изнутри и переносили недуги из тела Этьена в моё. Хотелось прекратить, но из непонятого упорства я продолжала впитывать. Привыкшие к темноте глаза различали, как тает опухоль, как быстро затягивается ссадина, как она покрывается корочкой и тут же, потеряв её, зарастает новой кожей...

Испуганный, ошарашенный Этьен хотел отползти, но лишь бился под моей рукой, словно припиленный булавкой жук.

Я не знала, могу ли парой прикосновений исцелить его полностью, но вряд ли этот наглец позволит мне накладывать руки поочерёдно на каждую рану. А потому с ещё большей настойчивостью я мысленно проговорила: «Я хочу помочь! Помочь!» и почувствовала прилив сил. Сын лекаря выгнулся в судороге и обмяк.

Вдруг я увидела какое-то другое тело Этьена, прозрачное, полностью повторяющее контуры обычного. Оно мерцало сине-фиолетовым светом, который проваливался в чёрные дыры реальных ран. Я зажмурилась. Светящееся тело не исчезло. Боль переполнила меня и потекла наружу, разъедая слезами и потом кожу. Выносить дольше эту муку было невозможно. Горло сжалось.

Всё прекратилось внезапно, будто кто-то залил водой огонь. Я с трудом разлепила глаза. Без единого следа побоев на лице, без шишки на лбу Этьен спал, свесив голову набок.

Теперь я точно знала, как чувствует себя избитый, израненный человек. Никому бы не пожелала такого! Впредь буду сдержаннее. Я прошептала пересохшими губами:

– In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen².

Надо заставить себя подняться и уйти. Я попыталась встать, но не смогла и в изнеможении упала к Этьену на грудь. Ни руки, ни ноги меня не слушались. Я лежала, будто выжатая после стирки тряпка, и слушала мерное биение чужого сердца. По полу сквозил ветерок, а от сына лекаря шло живое тепло. Он вовсе не казался сейчас ни мерзким, ни злым, и безмятежно, по-мальчишески посапывал. Сомнений не оставалось – он здоров.

А я... я не могла пошевелиться. Если всё-таки встану, надо всерьёз подумать о шалаше в лесу. Лекарь наверняка не простит послушания, ведь он ясно приказал: Этьена не лечить. Говорят, где-то в горах есть пещеры. Там нет людей, и можно будет жить. Разведу костёр, грибы буду собирать, ягоды. Может, стоит семенами запастись, посажу что-нибудь...

* * *

– Эй! Эй! – кто-то тряс меня за плечи. – Проснись! Эй!

Я разодрала глаза. В сером свете подо мной плясало недоумённое лицо Этьена.

– Эй! – повторил он, приподняв меня со своей груди и удерживая на вытянутых руках.

Вместо слов я выдала невнятное мычание.

² Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь (лат.).

– Ты что здесь делаешь? – снова встряхнул меня сын лекаря. – Ты чего на мне разлеглась?

– Не трясите, – хрипло выдавила я из себя. – Не груша...

– Слезь с меня! Поднимайся! – потребовал он и грубо отшвырнул меня.

Я опрокинулась на спину, как чучело, набитое соломой, и шмякнулась затылком об пол.

– Ай, полегче.

– Какого чёрта? – Этьен сел. – Вставай и убирайся.

Мои попытки встать оказались бесплодными. Похоже, я выглядела как барахтающаяся в кувшине с молоком жаба – все болело, и тело совершенно мне не подчинялось. На меня накатила обида. Нет, лекарь был тысячу раз прав – этот наглец не стоил даже трети моих страданий. Глядишь, хоть чему-то бы научился. В рёбрах тоскливо ныло, ломило в спине. Вчерашние травмы Этьена еще давали о себе знать, но валяться на полу перед полуголым негодяем было крайне унижительно. Только бы не разреветься!

Хмуро и недоверчиво Этьен наблюдал за моими жалкими потугами.

– Чёрт, ты пьяна в стельку? Или притворяешься? Какой шарман!

– Не пьяна и не притворяюсь, сударь! – зло одёрнула его я, понимая, что ещё немного и снова перестану себя контролировать. Кто знает, к чему это приведёт? Потолок обрушится или в окно влетит коршун и оторвёт ему голову? Сейчас бы меня устроило и то, и другое. Нет, нельзя. Он не стоит моего гнева. Он просто неотёсанный грубиян, каких много. А я такая одна! Я набрала в грудь воздуха и строго сказала:

– И прекратите чертыхаться. Лучше помогите добраться до кровати. Я не могу встать.

Этьен вдруг обратил внимание на то, что едва одет, и... покраснел.

О, Боже! Неужели таким хамам знакомо смущение? Если бы положение не было столь плачевным, я бы гомерически расхохоталась.

Он непонимающе покосился на меня, посмотрел на свои босые ноги, на голые руки, снова на меня, и присвистнул:

– Постой. Неужели я?... Неужели мы с тобой?..

– Конечно, нет, сударь! – я стиснула зубы и опять попыталась опереться на руку. Нечеловеческие усилия, и удалось-таки подставить локоть, чтобы чуть-чуть приподняться. Со всей возможной жёлчью я заметила: – Иначе меня бы вырвало. Вы видите на себе следы рвоты?

Брови Этьена изумлённо взметнулись, в поиске оной он опустил голову и осмотрел свою грудь.

– А что за бинты? И чья на них кровь? Зачем их намотали на меня?

Я молчала. Этьен продолжил возмущённо рассуждать:

– И вообще, какого чёрта я здесь делаю? Интересно, что за дрянь мне подсыпал подлый хотельер? Последнее, что я помню – бокал Монтаньё в гостинице. Постой, и ты там была, принесла ему что-то. Уж не папаша ли передал подлецу Живазу снотворного порошка, чтобы заманить меня домой? Признавайся!

Его взгляд снова разгорелся недобро.

«Чудесно! Он ничего не помнит. А сомнения хватит, пожалуй, на всех фаворитов короля вместе взятых».

– Да вы, сударь, ещё и глупы, – презрительно сказала я. – Не ищите в других причины своих безумств. Вы сами всему причина. А, знаете? Подите прочь. И если хватит совести, позовите Женевьеву или Софи, чтобы помогли мне подняться.

Я отвернулась и принялась гордо рассматривать покрытый многодневной пылью паркет. Судя по звуку, Этьен встал и шагнул прочь.

«Не плакать! Не плакать! Не плакать!» – твердила я себе, кусая от обиды губы.

Вдруг рядом послышался вздох. Меня подхватили на руки и понесли к винтовой лестнице. Я не поворачивалась, но знала, что это сын лекаря.

Взыграли остатки совести. Значит, не всё ещё потеряно.

Он опустил меня на кровать и наклонился к моему лицу. Я сморщилась и хотела отвернуться, но Этьен аккуратно придержал ладонью мою голову и с неожиданным сочувствием спросил:

– Что болит-то? Ногу подвернула? Или на спину упала?

Я смотрела в его глаза и не знала, что ответить. К горлу подкатил ком.

– Ну, ну. Давай разберёмся, – отвёл взгляд Этьен и так же, как отец, обхватил пальцами моё запястье.

«Лекаря изображает, – с возмущением подумала я. – Лучше бы шёл на все четыре стороны. Господи, пусть он уйдёт! Пощади меня хоть в этом!» Я закрыла веки, чтобы только не видеть Этьена. Его прикосновения вызывали омерзение. Я сейчас не сдержусь.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он. – Будто бы два пульса прослушивается. Это невозможно. Мадемуазель! Мадемуазель, посмотрите на меня.

Я приоткрыла глаза. Дышать всё ещё было тяжело, испарина покрыла лоб. Я, наверное, сейчас бледна, как привидение. Тем паче раздражал его здоровый румянец на щеках и ярко очерченные губы.

– С чего это мсьё изволили перейти на «вы»?

Ошеломлённый Этьен осторожно положил мою кисть на одеяло и потёр подбородок.

– Видимо, я выпил лишнего или... Нет, такого просто не может быть. Вы... – человек?

– Я, кажется, выразилась ясно. Подите вон, сударь. Вон! – вскричала я, в порыве гнева даже сумев поднять голову и сжать шерстяную ткань скрюченными пальцами.

Этьен вспыхнул, выпрямился и ринулся из комнаты. Резво, что тот заяц от огородного сторожа. Надеюсь, даст дёру и никому ничего не скажет, трус несчастный. Это меня порадовало. Отлежусь, и снова всё будет хорошо.

* * *

Мою бессильную дрему, закрученную болями и смутными рассуждениями, прервал стук в дверь. Надеюсь, Софи... О, нет, в дверном проёме снова показалась кудрявая голова Этьена, а затем и он сам. Уже не полуголый, в новеньких сапогах, чёрных бархатных штанах. Белоснежная рубашка с кружевным воротником расстегнута по самый пуп. Лицо Этьена было растерянным. Он старался не смотреть мне в глаза.

– Прости. Простите, но... – сглотнул мой визитёр. – Я не могу понять. Здесь, – Этьен ткнул пальцем себе в грудь, – здесь был большой шрам. И тут. С самого детства, и тут. Куда... они исчезли?

А я, похоже, перестаралась. Надо же было так сглупить. Стало смешно – ну и идиотский у него был вид, – и я фыркнула:

– Ах, какая досада. Не печальтесь, сударь, поставите новые. Такому забияке, как вы, это труда не составит.

Этьен потоптался у комода, со странной грустью глядя на окружающие его вещи, и, наконец, спросил:

– Это сделали вы? Или мой отец?

– Меня больше заботят мои болезни, чем ваше внезапное здоровье, – процедила я.

После хамского поведения Этьена рассказывать ему о моём проклятом даре не хотелось. Тем более я не ждала от сына лекаря ни благодарности, ни восторга. Несмотря на внешнюю красоту, он был мне противен. Пожалуй, даже лавочник Ренье теперь вызывал более тёплые чувства. Я хотела лишь исправить свою ошибку. И исправила. С лихвой.

– Так вы... больны? Вы пациентка отца?

– Помогите мне сесть, – распорядилась я.

На удивление, Этьен подчинился. Переложил подушку, чтобы железные прутья кровати не давили в спину, сильными руками приподнял меня и усадил.

– Дайте мне воды. Там есть в кувшине.

Я повела локтем, сжала и разжала кулак, чувствуя, что мало-помалу начинаю двигаться. Этьен протянул мне керамическую кружку. Трясущейся, как у старухи, рукой я неуверенно обхватила её.

– Может, вас напоить? – предложил Этьен. – У вас руки дрожат.

– Наклонитесь поближе.

Он склонился.

– Что?

Я посмотрела в карие глаза, обрамлённые пушистыми ресницами, собралась и... выплеснула содержимое кружки в его лицо.

– А вот вам за «шлюху»! – и засмеялась...

Глава 10

Увы, резкая боль в груди не позволила хохотать, мои хрипы со стонами вместо смеха, похоже, вызвали у Этьена оторопь.

– Этьен! – в дверь влетел мсьё Годфруа.

Прекрасно, сейчас вдвоём меня и задушат. Ещё пару минут помучиться, и проблема решена. Интересно, кто кинется первым?

С невинной улыбкой я произнесла:

– Доброе утро, мсьё Годфруа! Не правда ли, живописный восход сегодня?

Лекарь посмотрел на меня, затем на сына, нервными рывками вытирающего лицо и стряхивающего капли воды с волос, и буркнул:

– Так и знал. Этьен, ты в порядке?

Тот глянул на отца, как на лютого врага.

– Не уверен. Я требую объяснить, в чём дело! И что вообще происходит? Почему я здесь?

– Ваш сын ничего не помнит, мсьё, – задорно пояснила я. В меня будто бес-хохотун вселился. Впрочем, когда тебе уж очень плохо, появляется значительное преимущество над остальными – ничего больше не кажется страшным. И я со смешком добавила: – Молодой мсьё ищет детские шрамы. Потерял где-то. Может, под кровать закатились...

– Прекрати паясничать, Абели, – перебил меня лекарь.

– Что за игру ты затеял? – с напором спросил Этьен и шагнул к отцу. Ни дать, ни взять молодой бычок: вот-вот вспорот живот рогами.

– Никаких игр, – спокойно ответил мсьё Годфруа. – Вчера тебя принесли в беспамятстве, ты был серьезно ранен в драке. Три укола шпагой, одно ножевое ранение, два сломанных ребра. Судя по кровоподтёкам, отбитые почки, разбита голова. Ссадин, шишек и ушибов не пересчитать.

– Что за выдумки? Я абсолютно здоров.

– Конечно, здоров. Сегодня здоров. – Лекарь жестом указал на меня: – Знакомься: мадемуазель Абели Мадлен Тома, моя пациентка и одновременно помощница. Мадемуазель обладает уникальным даром забирать чужие недуги на себя.

Мне доставило подлинное удовольствие видеть, как вытягивается лицо Этьена. Его взгляд метнулся от отца ко мне, скользнул по моему неподвижному телу и задержался на покрытой красными пятнами руке.

– То есть она... – пробормотал Этьен.

– Она наверняка сейчас чувствует всё, от чего избавила тебя, – смакуя удовлетворение от реакции сына, подтвердил мсьё Годфруа. – И, очевидно, благодаря ей, ты теперь здоров, как новорождённый младенец. Даже без старых шрамов. Я прав, Абели?

Я лишь кивнула. Краска отхлынула от щёк Этьена, и он опустил на стул. Довольный мсьё Годфруа засунул руки в карманы широкого балахона.

– Хоть ты и не слишком склонен учиться моему делу, всё равно можешь представить, какие боли сейчас одолевают юную мадемуазель. Бедняжка! Я предостерегал её от этого, опасаясь, что слабый организм не выдержит и половины, – распевно и негромко, будто сказитель, вещал лекарь. – Ты ведь вчера чудом не умер. Но, как видишь, несмотря на свои семнадцать лет и собственные недуги, мадемуазель настолько сильна духом, что даже улыбается. Мы можем только восхищаться ею и поклониться в ноги.

Этьен устался в пол. С удивлением я заметила, что лекарь едва скрывает торжествующую усмешку. Ого, а ему явно нравилось то, что сын не знает, куда себя деть от неловко-

сти! На секунду мне показалось, что мсьё Годфруа даже увеличился в размерах, навис, как туча, над сгорбленным сыном. С выражением истинной добродетели лекарь добавил:

– Если ты не успел поблагодарить мадемуазель, сейчас самое время.

Этьен буркнул что-то наподобие «спасибо» и ринулся к двери, но отец преградил дорогу.

– Тебе не стоит выходить за ворота.

– Это ещё почему?! – вскинулся Этьен.

– Вчера полгорода видело побоище в гостинице, а потом пошли разговоры, что ты при смерти. Даже кюре приходил осведомиться о твоём здоровье, – вкрадчиво ответил мсьё Годфруа, – и спрашивал, не пора ли служить заупокойную или исповедовать умирающего. Старый лис. Я, конечно, известен своим лекарским искусством, но в данном случае люди оценят твоё мгновенное выздоровление как чудо. Впрочем, чудо оно и есть.

Лекарь сверлил глазами сына.

– Ты знаешь людей и знаешь, что епископ точит на меня зуб. Простые люди сначала будут стены приступом брать в поиске чудесного исцеления. И в том еще полбеда, хоть нам с тобой и будет неудобно от этих толп. Но ведь Абели – слабая девочка, которая ещё не владеет даром. Она этого не выдержит.

Они вдвоём посмотрели на меня. Растерянный красавец-сын и неказистый, но спокойный, как скала, отец. В чём-то неуловимо похожие, но совершенно разные. Лекарь продолжил:

– И потом слухи поползут дальше. Ты не успеешь моргнуть глазом, как её обвинят в колдовстве. Возможно, и нас с тобой тоже. Ты хочешь, чтобы жестокие инквизиторы пытали эту девочку в каменном подземелье? Подвешивали на крючья, мучили днями и ночами, а потом сожгли на площади?

Святые угодники! От тихого голоса лекаря по моей спине поползли мурашки, я всё живо представила и по-настоящему испугалась. Никогда не думала, что мой недуг, мой дар способен привести к такому кошмару. Крючья... Костёр... Ой!

– Ты хочешь, чтобы её сожгли? – повторил вопрос мсьё Годфруа.

– Нет, – хрипло ответил Этьен.

– Тогда придётся с неделю-другую притворно «выздоровливать». И побыть дома. Ты меня понял? – акцентируя последнее слово, спросил отец.

– Да.

– Тогда иди.

Лекарь отстранился от двери и пропустил сына. Уже выходя, Этьен снова оглянулся на меня. Наверное, так затравлено смотрел бы зверь, угодивший в капкан. В сердце кольнула жалость, но Этьен тут же выпрямился и зло бросил в мою сторону:

– Я не просил меня спасать!

* * *

«Не делай добра, и никто не воздаст тебе злом...» – говаривала нянька Нанон и была тысячу раз права. Я закусила губу. На глаза упала прядь волос. Хотела её отбросить, но вместо этого дрожащая рука выдала резкий кульбит и шмякнула меня по лбу. Будто и не моя была, а чёртик, выскочивший из омоньерки. Я не выдержала и ругнулась.

Плотно прикрыв дверь, лекарь подошёл к кровати. Глядя на меня, он поцокал языком, покрутил носом так, что усы над губой заходили ходуном, и заговорил негромко:

– Итак, Абели Мадлен, для тебя не существует слова «нельзя», не правда ли? – Жесткие нотки прозвучали так угрожающе, что мне захотелось вскочить с кровати и убежать, сломя

голову. Эх, если б я могла. Лекарь скрестил руки на груди. – Ты плевать хотела на приказы и предупреждения?

– Нет, мсьё, нет. Но ваш сын... он упал прямо передо мной...

– И?..

– Я почувствовала, как ему плохо...

– И?..

– Но ведь это по моей вине!

Лекарь склонил голову набок.

– И ты считаешь, что вправе решать за всех? Что ты – сама Фортуна, мадемуазель Судьба или богиня Правосудия? А я, по-твоему, никчёмный докторишка, которому не под силу вылечить собственного сына от банальных травм?

– Нет, мсьё. Простите, – потупилась я. – Но разве он не умирал?

Лекарь оставил вопрос без ответа и подался вперёд:

– А ты понимаешь, что мой сын – душевно неуравновешен? Что ему ничего не стоит возопить на всю базарную площадь о ведьме и колдуне-отце, который разводит нечисть в доме?

– Неужели он сделает так, мсьё?! – ужаснулась я.

– Не трезвый, так пьяный.

– Простите, я не знала, не думала...

– А голова на что? Прически делать и ленты завязывать? – грозно спросил мсьё. – Ты должна думать! С твоими-то способностями, в которых ни черта не смыслишь. Расшвыриваешься ими направо и налево. Всё игрушки тебе! Судьям или инквизиторам тоже будешь лепетать: «Простите-извините, я не знала»? Ты хоть представляешь, что грозит обвиняемым в колдовстве? Дыба, плети, испанский сапожок, железное кресло, утыканное шипами. Хочешь голой в колодках сидеть на площади? Или в огне корчиться, а? Хочешь?!

Меня затрясло. Я не могла и слова вымолвить.

– И зачем я взялся тебе помогать? Скажи. С таким же успехом я мог набить свою подушку порохом, поджечь фитиль и ждать, бабахнет или нет.

– Простите, мсьё, больше не буду.

– Не будешь. По крайней мере, несколько дней можно пожить спокойно, – кивнул лекарь. – Выплеснула всё на-гора. Теперь на покойницу похожа. Ну и как, хорошо тебе? Результатом довольна?

– Нет, – всхлипнула я. – Ноги не ходят, руки плохо слушаются, болит всё. Очень.

Мсьё Годфруа, казалось, смягчился и обхватил моё запястье. Послушал и лишь покачал головой.

– Мсьё, а я смогу снова ходить?

– Сможешь.

Лекарь сел на кровать, оттянул мне нижние веки, потрогал пятнистые руки, расшнуровал корсаж и потянул белую рубашку.

– Мсьё, зачем...

Я вспыхнула, сердце забилося от смущения. Если бы могла двигаться, уже бы спряталась под кровать.

– Молчи, дурная. Я тебе не мужчина, я – врач. Я должен тебя осмотреть.

Он стянул с плеч рубашку, оголив мне шею и декольте. Надавил пальцами на грудную клетку. Я взвизгнула.

– Позволь догадаться: тут у тебя ничего не было. Вот этого багрового пятна?

– Мне не видно, мсьё, – втянула я в себя воздух. – Но раньше кожа была чистой.

– Этьенов шрам на себя перетащила, – заметил лекарь. – Странно, с ожогом Софи такого не было. Надеюсь, пройдет.

Он сбросил мои башмаки, ощупал ноги, снова покачал головой и направился к двери.
– Отсыпайся, отлѣживайся. А мне надо работать.

– Мсьѐ, – умоляюще воскликнула я, – а иголку в лоб... или какое-то средство, чтобы не так болело, вы разве не дадите?

Лекарь прищурился.

– Терпи, раз самовольничала.

У меня всё оборвалось. А на что я надеялась? Лучше б уже придушил, что ли...

Но мсьѐ вдруг сжалился.

– Ладно, сейчас принесу иглы и отвар.

Он дёрнул ручку двери, и в комнату ввалилась моя тѣтушка.

– Моник! – радостно вскрикнула я.

Тѣтя раскраснелась, разулыбалась, еле удерживая тюк под одной рукой и мешок – под другой.

– Ой, здарсьте, здарсьте. Я сюда, а вы отсюда. Зато я с полными руками – к прибыли.

– Ах, чертовка, ты всегда кстати, – расцвѣл лекарь. – Куда запропастилась?

– Дома задержали: муж, малышня. Крик, гам, тарарам. Этому сопли подтереть, второму по заднице дать, третьему кое-чего другого дать, а тоже надо. И корми их всех, корми, оглоеды ненасытные. Ну, вы понимаете. И па-та-ти, и па-та-та. Вчера не вырвалась, – с громким выдохом Моник скинула в угол вещи, приосанилась, поправила причёску и кокетливо улыбнулась мсьѐ. – Как вы тут? Как моя красавица Абели?

– Ну и подарочек ты подкинула, Моник, – сказал лекарь, но тоже улыбнулся. – Всего два дня здесь твоя племянница, а дел натворила – не разгрести. Полубуйся: теперь её парализовало.

– Как так? – всплеснула руками тѣтушка.

– А вот так.

Во дворе послышался шум отворяемых ворот, зацокали подковами лошади. Лекарь выглянул в стрельчатое оконце и бросил:

– Ко мне важный пациент. Моник, чуть погода загляни в кабинет, посудачим.

И, не дожидаясь ответа, вышел. Моник кинулась меня обнимать, охать и ахать.

– Девочка моя, что с тобой? Бледная вся, кожа в пятнах каких-то. Тебя что, по рукам тут били? А на шее! И на груди! Ой-ѐй-ѐй.

– Я думала, ты уже и не приедешь, – жалобно промямлила я.

Тѣтушка поправила мою подушку, убрала прядь со лба за ухо.

– Вот глупости! Разве могу я тебя бросить?

– Нет?

– Конечно, нет, глупышка!

– Знаешь, мне так плохо, – вздохнула я. – Со мной происходит что-то странное. Жутко. Дом этот, мсьѐ Годфруа, его сын...

– Красавчик Этьен? Ах, он такой, такой, – восхищённо затараторила тѣтя. – Я всё ехала и думала: поженить бы вас: детки вышли бы чудо! И разбогатела бы моя племянница, было б у кого в праздники гостевать с вином и пирогами. Мм, Этьен... Один раз увидишь, потом не забыть. Глаза у него какие, а? И стать. Плечи широченные, талия узкая. Эх, будь я помоложе... Ты ещё не влюбилась?

– Ни за что! – вскинулась я. – Ненавижу этого мерзавца!

– Обидел тебя?

– Да! Он – хам и негодяй.

– Та-ак, – нахмурилась тѣтя и уткнула руки в боки. – Ну-ка, выкладывай. А уж я с ним разберусь, не будь я Моник Дюпон! За племянницу и красивые глаза враз выцарапаю...

Глава 11

И я выложила всё, что со мной произошло. Как на духу. Уж кому жаловаться, как не родной тётушке. Та лишь сыпала удивлёнными восклицаниями и забористыми словечками. Под конец моего повествования Моник, прижав ладонь к щеке, сокрушённо покачала головой.

– Бёф, Абели! Вот беда-то... Страсть, какая беда! Кто б подумал, что через столько поколений в нашем роду снова сильная ведьма появится...

– Снова?! Ведьма?! В роду?! – вылупилась я на неё так, что если б не ресницы, мои глаза выпали бы на смятый передник да покатались на пол, как два яблока.

– Тс-с, – приложила палец к губам тётя. – Не визжи, что та поросся на бойне.

– Умоляю, Моник, расскажи, что за ведьма, – с жаром прошептала я.

Тётя придвинулась ко мне ближе и с видом заговорщицы сообщила:

– Я всё считала, что прабабка наша выдумывала, лишь бы нас, маленьких ещё, на ночь страшной сказкой попугать. А она любила прибрехнуть. Как вина напьётся в праздник, так давай рассказывать: то про друидов и галлов, то как в старинные времена кланялись женщины чёрной лицом богине-Матери, втихоря от церковников, то про волшебный камень Бетил в далёких лесах, то про злого барона, что детишек малых изводил в своем замке и невинных девушек...

– А про ведьму, про ведьму-то что?

– Да, про ведьму, – Моник сделала многозначительную паузу, и я пожалела, что не могу её пнуть, чтоб говорила скорее. – Сказывала прабабка, что еще её прабабка ей доверила, а той её прабабка... в общем, в незапамятные времена, когда Лион был чуть больше крепости, там жили наши предки. И вот в обычной семье сапожников ни с того, ни с сего появилась ведьма. Поначалу росла девочка, как все, но в двенадцать лет её выдали замуж, и в ней дар проснулся. Вроде началось всё с того момента, как ей в руки бриллиант святейшего Папы попал. Уж не знаю, каким образом. Может, бриллиант заговоренный был или волшебный. И начала она ворожить – да так, что не дай Господь! Монахи решили поймать её и сжечь, чтобы народ чудесами не баламутила. И поймали... Привязали к столбу, хворостом обложили, да тут над городом дракон громадный кружить начал и по башне хвостом щёлк, та затрещала, люди на площади завопили, в панике побежали кто куда. Давка началась, галдёж... А когда опомнились, ведьмы уже на помосте не было. Исчезла. Всей её семье пришлось скрываться, чтобы им пятки не поджарили да палками не побили. Тогда бы и малых деток не пощадили. Но все родичи, муж и дети той ведьмы спаслись, а куда она сама делась, так и не прознал никто. Тайна сия велика есть.

– Ой, – шепнула я. – Ты считаешь, что я тоже... такая?

Моник пожала плечами. Лицо её стало хитреньким, как у лисички.

– Ну, вообще сказывают, после той самой ведьмы все девочки в роду хоть чуток, а чего-то умеют. Я, бабка с прабабкой или матушка твоя тоже. Да только мы что? Травками полечить, приворожить, если надобно, яйцо покатасть или на водицу нашептать. Только это всё тьфу – мелочи. Людей подчинять своей воле никому дано не было, окромя той... в старину.

– Разве я подчиняю? – икнула я от страха.

– Бёф, – фыркнула тётушка и засмеялась. – А то они сами в ресторации захотели лекарского сына побить, да? Им, что ли, шляпа его не понравилась? Или он посреди пира вдруг воздух испортил? А потом вонь ветер разогнал, и все разом успокоились, спать уложились, чего уж драться, так?

Я замотала отрицательно головой.

– А делать что?

– Мсьё Годфруа слушаться. Он мужик умный, хитрый. Премудростям древним учился у китайца какого-то. Большие деньги платил.

– А ты откуда знаешь?

– Знаю, – сгримасничала тётушка и шлёпнула меня пальцем по кончику носа. – Не везде тебе надо свой нос совать, отвалится.

Я насупилась.

– Ай-яй, что это за туча-тучная, чёрно-чёрная? Сейчас в пузо ткну, лопнешь. Дождя нам только и не хватало! – весело зацокала тётя языком и подмигнула.

Я вздохнула и улыбнулась. Увидев, что я оттаяла, тётя встала и направилась к двери.

– Кухарка тут всё та же? Софи?

Я кивнула.

– Моник...

– Чего?

– Ты больше никому не говори... про меня... про ведьму, пожалуйста. А вдруг всё случайно? И я буду хорошей? Вдруг мой дар пройдет так же, как появился... Я в церковь ходить буду ещё чаще, я...

Моник лишь махнула рукой:

– Не пройдет. Разве ж я на дуру похожа, болтать такое? Пойду, разузнаю, что тут к чему и еды раздобуду. Тебе надо силы восстанавливать, а мне... Уж когда задарма попитаться можно, грех не воспользоваться, – заметила тётя и оставила меня одну.

* * *

«Час от часу не легче. – Меня пробрала дрожь. – Ну, зачем, скажите, зачем именно в моём роду была ведьма?» Про ведьм чего только не болтают – на шабаш нагой на метле? С чертями плясать вокруг костра? Вот уж глупости! Говорят, будто ведьмы коров доят, чтоб наложить проклятье. А я и не знаю, с какого боку подойти к той корове! И чтобы я, порядочная девушка, такими глупостями занималась? Проклятьями?! Вот уж увольте. Ни за что! Лучше в монахини остричься. Зря я, наверное, всё рассказала Моник. Ведь растрезвонит по секрету так, что и в Мавритании про это судачить будут. А про ведьму... Может, одна выдумала, вторая добавила, третья приукрасила. И был там никакой не дракон, а мышь летучая с толстым задом. Ладно, подумаю об этом позже.

Через боли шевелясь и неловко двигаясь, как полудохлая рыба по склизкому берегу, я всё-таки сползла ниже и ощутила под головой подушку. Бороться со слабостью было невозможно, и мои веки сомкнулись сами собой.

* * *

Сны мои были похожи на болото. Я вязла в них, как в трясине, и боялась утонуть. Поэтому разбудившие меня звуки знакомой мелодии обрадовали несказанно. У кровати на стуле в чашке что-то дымилось, разнося приятный запах трав по комнатке. На фаянсовом блюде рядом красовались большая сахарная галета и фрукты. Я протёрла глаза кулачками и обрадовалась вдвойне – руки слушаются!

Мою скромную комнатку было не узнать. Мурча под нос песенку про жаворонка Алуэтт, Моник, стояла на бюро и подвешивала над оконцем штору – ту самую, что мы с ней перешили из старого платья маман. Везде, где только можно было, стояли кувшинчики и горшочки с цветами: с ландышами, тюльпанами, сиренью. Ветки с крупным розовым яблоневым цветом в вытянутой колбе. Боюсь, тётушка для красоты ободрала весь сад мсьё Годфруа. На комодке появилась вышитая салфетка. В моих ногах валялись подушечки, сшитые

из кусочков того же драного матушкиного платья. На душе потеплело. Неужели Моник всё это тащила аж из Сан-Приеста ради моего уюта?!

Тётушка покончила с занавеской и слезла с бюро.

– Проснулась? Вот и славно. Уже хотела тебя будить. Не поверишь, кто тебе отвар принёс! – защебетала Моник и тут же, не дожидаясь наводящего вопроса, сообщила: – Юный и сейчас совсем не нахальный мсьё Этьен. Справился о твоём самочувствии. Так что...

– Моник, не надо о нём.

С её помощью я села, чувствуя, что тело оживает.

– Ты так украсила здесь всё! Спасибо!

Моник улыбнулась.

– А ведь ты и сама могла хотя бы букетик поставить. Жилище девушки должно быть красивым. Любыми возможными средствами. Цветов в саду хоть отбавляй. Что же ты?

– Не до того было.

– Боли, дары, ещё чёрт знает что – это одно. А то, что ты – женщина, девушка – это главное. Пей-ка отвар, а потом займемся твоими волосами.

– А ты сегодня не уезжаешь обратно? – осторожно поинтересовалась я. – Солнце, похоже, скоро к западу будет клониться, я проспала чуть ли не весь день...

– Насчёт этого не волнуйся, – радостно известила Моник. – Мсьё Годфруа попросил меня остаться на одну ночь, чтобы за тобой поухаживать.

– А Нико и дети как же?

– Справятся.

Я с нескрываемой радостью протянула руку Моник:

– Я так тебе благодарна!

К моему невообразимому счастью, я сумела спустить с кровати ноги. Попробовала встать, но босые ступни будто закололи иглами. Не всё сразу. Зато сидела я уже не как тряпичная марионетка, а как нормальный человек. Жизнь снова налаживается!

Тётушка поднесла к моим губам чашу с горячей жидкостью и, понизив голос, сказала:

– Кстати, я тут поболтала с Софи, Себастьяном... Ты же знаешь тётю, я и мёртвого разговорю. Этьен вовсе не такой уж негодяй. Он просто с отцом на ножах. Тут был такой скандал! Всем скандалам скандал.

– Это я и сама поняла. Этот молодчик загрыз бы папеньку, если б духу хватило, – ответила я, глотнув отвара. – Ему что, отец денег не дал на выпивку?

– И ничегошеньки ты не поняла. Тут дело не мелочное совсем. И, между прочим, я знаю из-за чего весь сыр-бор, – тётя опять сделала паузу, широко раскрыла глаза и с восторгом выложила: – Из-за женщины! Они её не поделили!

Глава 12

В сумерки комната окрасилась сиренево-серым, наполнилась таинственностью и печалью. И уютная штора, и цветы, и мои собственные руки выглядели иначе.

Накормив меня и ошеломив новостями, Моник давно убежала по каким-то делам и всё не возвращалась. Мне бы заснуть, как уговаривала тётя, но не удавалось. Мысли роились в голове, и она гудела, будто медный котёл. Ещё этот стук со двора... Уже второй час оттуда доносились равномерные удары, словно кто-то выбивал старую перину. Сколько же этих перин?!

Я, наконец, не выдержала и попыталась встать, чтобы увидеть, кто это был. Ноги болели и не слушались, но я – упрямая. Опираясь то на стул, то о стену, то о кровать, я переползла к окну и в изнеможении уселась на деревянную крышку низкого бюро. Выглянула в окно. Вместо Себастьяна, выбивающего матрасы и подушки, у кряжистой груши топтался Этьен. Рубаха местами вылезла из штанов. Ни шляпы, ни сюртука. Лица не видно, лишь волосы мокрые, взъерошенные. Этьен колотил кулаками по напоминающему свёрток, плотному тюку, подвешенному на ветке. Опять и опять. Яростно, словно хотел выместить всё, что скопилось внутри.

Теперь я понимала, почему почувствовала такую нечеловеческую ненависть Этьена не только ко всем, но и к самому себе в момент, когда забирала его боли. И слова лекарского сына, брошенные в сердцах, обрели смысл, хоть и не стали от того слаще.

Немудрено ненавидеть весь мир, когда первая любовь обернулась смертью. Немудрено ненавидеть меня за то, что исцелила от физической боли, ведь та уменьшает душевную. Я наблюдала за Этьеном, отчасти чувствуя вину за то, что из-за меня ему приходится находиться в этих стенах. Возможно, именно этого и хотел лекарь. Вынудить сына остаться. Больного или здорового. Любыми способами.

Этьен завязал повисшие мокрыми сосульками волосы в хвост и с остервенением принялся опять колошматить тюк. Не только руками. Коленьями. Пнул носком сапога с разбегу. Тяжелый тюк отлетел, но Этьен ловко отскочил и всадил с силой кулак в безмолвную тряпичную массу.

Я коснулась пальцами пятна на груди. Оно еще саднило. Этьенов шрам отдавал мне должное. А если бы я всё знала, поступила бы иначе? Кто угадает... Да и стоит ли гадать: что сделано, то сделано. Обратно не вернёшь. Я в своей нынешней слабости только и годна была на то, чтобы сидеть у окна и смотреть на бьющегося в отчаянии парня.

* * *

С упоением, с каким доносят головокружительные сплетни и делятся страшными секретами, Моник рассказала о девушке, что жила в этой комнатке. О мадемуазель Жюли. Миловидной, веселой, моего роста и склада. Она была гувернанткой дочерям мсье Годфруа, четырнадцати и пяти лет.

Говорят, Этьен сначала просто переглядывался с ней за обедом и ужином. Ни с того, ни с сего начал усердно играть и заниматься с сёстрами, когда те были на попечении гувернантки. А потом вроде видели Этьена и мадемуазель Жюли, целующихся в тени сада, а соседи – гуляющих в выходные в лесочке за городом. Видели, как пылкий юноша спускался из ее комнатки в такой час, когда незамужним девушкам давно пора спать. Этьен будто бы даже обмолвился с другом о женитьбе, несмотря на предостережения и недовольство отца.

А мсьё Годфруа имел в виду совсем другое – он тоже не остался равнодушным к гувернантке. Лекарь, как, хихикая, доложила мне Моник, мало к какой симпатичной юбке оказывался равнодушным. Да и к не слишком симпатичной тоже. К большой печали мадам Годфруа, матери Этьена. Да-да, она тоже здесь жила. Ещё недавно.

Скандал разразился в начале весны, как раз после Марди Гра. В первые дни Великого поста Этьен вошёл в кабинет отца и застал того со спущенными штанами. Он навис над мадемуазель Жюли, задрав ей юбку. Стол под ними ходил ходуном. А мадемуазель совсем и не отбивалась.

Говорят, в Этьена будто демон вселился. Он швырял мебель и крушил всё вокруг, не разбирая. Дело дошло до рукоприкладства. На шум прибежала мадам Годфруа. И вцепилась в волосы гувернантке. Всё кончилось плохо: Этьена скрутили конюх и привратник и усадили в подвал. Когда его выпустили оттуда на следующий день, гувернантка исчезла. А другой ночью мадам Годфруа, которой тоже досталось от лекаря, тайком забрала дочерей, опустошила потайную кубышку супруга, где хранилось немало, и скрылась в неизвестном направлении. До сих пор не удалось их отыскать. История вообще неслыханная – весь городок шумел и перебивал косточки семейству. Упорно шептались, что Этьен мог знать, куда и как убежала его мать. Но он никому ничего не говорил. Тем более отцу.

Этьен поселился у товарища и долго разыскивал неверную возлюбленную, пока ниже по реке не всплыла утопленница. Будто бы в раздувшемся, синюшном теле с выпученными глазами, объединенном раками и покрытом тиной, люди признали пропавшую гувернантку. Кто-то говаривал, что она сама не снесла позора, кто-то – что лекарский сын, помешавшись, убил её из мести. Судачили, что благодаря связям лекаря и влиятельным знакомствам, причастность Этьена королевские дознаватели расследовать не стали. Но с тех пор сына мсьё Годфруа было не узнать: он рассорился со всеми, пил и дебоширил, дрался с кем ни попадя, и время от времени заявлялся в дом к отцу в поиске новых скандалов.

* * *

Я закрыла глаза, устав смотреть на битву Этьена с собственным призраком. И вдруг звук ударов прекратился. Я нехотя взглянула в темнеющий двор. Фигура в белой рубашке оперлась о ствол дерева и опустилась на траву. В сгустившейся синеве наступающей ночи лица уже было не разглядеть – только светлое пятно выделялось среди сумеречных теней.

Мне было грустно и даже немного стыдно непонятно отчего – ведь совсем не я стала виной его бед. Одному Богу известно, о чём он думал сейчас, под корявыми ветками – о предательстве, о низости? Обвинял меня в том, что заперт здесь, или проклинал отца?

А может, вспоминал, как держал в объятиях погибшую девушку. Что она ему обещала? И что сделала? Как так можно?! Даже не верилось, что так бывает... Хотя чего тут рассуждать? Моя собственная матушка недалеко ушла.

А что думал мсьё Годфруа? Умный, как сказала Моник. – Я фыркнула в негодовании. – Да уж, умный. Потерял семью, сына и остался со своими грехами. Причем я наверняка знаю не всё. Права была Софи: доверять надо только себе. И то через раз.

Я вздохнула: даже удивительно, почему Этьен согласился остаться дома после всего, что я узнала. Ведь, по сути, какое ему дело до меня? А вдруг он винит себя в смерти Жюли или виноват на самом деле? Может, это он утопил её и не хочет убить кого-то ещё? Или наоборот? Мне не узнать этого. Я не умею читать мысли.

В первом этаже напротив груши появилось пятнышко света, ещё одно и ещё. Больше. Ярче. И в расползающемся от светильников жёлтом свете, ворвавшемся в темноту сада, я увидела глаза Этьена, впившиеся в меня. Он смотрел так, будто видел во мне привидение

той самой мадемуазель Жюли. Со страхом, жадностью, страстью. Эти глаза были почти безумны. Нет, совсем безумны.

Я задрожала, чувствуя опасность, но и сама не могла отвести взгляда. Мы смотрели, молча, друг на друга. Минуту, другую, третью. И вдруг Этьен сорвался с места и побежал к дому.

Глава 13

Сверчок завел ночные песни, а я принялась судорожно соображать: остаться возле окна или вернуться в постель? Или попробовать все же встать с гордым видом? А вдруг растянусь где-нибудь между полом и кроватью – с моими ногами станется. Святые угодники, то-то будет зрелище! Зато Этьену удобно, если соберётся меня придушить.

Нет уж, буду сидеть, где сижу. В окно хоть покричать можно, если что. Голос у меня, кстати, громкий – однажды, когда в покои аббатисы влез воришка, я завопила так, что стекла затряслись. Истинный крест. Вроде дед моего отца командовал кавалерией, оттого и я... Ну, да ладно, не к неизвестному прадеду бежит сейчас ополоумевший красавец. Хотя кто сказал, что он бросился ко мне? Может, пить захотелось или папеньке в лоб врезать – что даром по туюку бить, никакого удовольствия...

Прислушалась. Э, нет. Все-таки стучат каблуки сапог по винтовой лестнице. Я поправила рубашку, завернулась как следует в шаль и придвинула поближе кувшин с сиренью – в нос пахнуло ароматом, рук коснулись нежные листья. Нет, я вовсе не думала о том, чтобы выглядеть романтично в лунном свете, глиняный сосуд может пригодиться для самозащиты.

Дверь распахнулась, скрипнув в петлях. Этьен, взмокший, как заезженный жеребец, ворвался в комнату и остановился, чуть не перевернув стул. Спасибо, тётушка не поставила его на место.

– Вы... – запыхавшись, буркнул Этьен, глядя на меня исподлобья.

– Чего изволите, сударь?

– Почему это вы рассматриваете меня, как в зверинце? Я вас спрашиваю! Шпионите?

Мда, судя по недовольному рыку и гримасе на его лице, ни с кем он меня не спутал. А ведь было что-то приятно-пугающее в том, чтобы на пару минут возомнить себя призраком чьей-то возлюбленной... Жаль, никто до сей поры в меня не влюблялся. Обстоятельство это казалось весьма досадным. Пусть и не дано мне выйти замуж или вскружить голову какому-нибудь мальчишке с тонкими усиками, а почему-то хотелось, чтобы меня любили. И обязательно так же безумно, как в сплетнях о гувернантке.

Я склонила голову, рассматривая злое лицо Этьена с ходящими туда-суда желваками и сжатые кулаки со сбитыми костяшками. Подумалось, что такой человек в гневе запросто может убить и совершенно в том не раскаяться. А ведь я даже начала его жалеть... Вот дурочка! Отчаянно захотелось, чтобы где-то за спиной оказался тот белокурый верзила из ресторации – Голем, или как его там?

– Шпионить? – холодно переспросила я и все-таки встала с бюро. Наверное, возмущение мое было столь велико, что ноги меня удержали. – Бог мой, да как вам такое в голову взбрело? Мне просто ничего другого отсюда не видно. А лежать целый день, знаете ли, не очень увлекательное занятие. К тому же душно.

– Черт бы вас побрал! – Этьен стукнул кулаком по притолоке. – Я и забыл, что вы в этой комнате.

– Позвольте вам не поверить, – скромно потупилась я. – Интересно, с чего вы сами решили выбивать пыль из несчастного мешка именно под моим окном? Может, наоборот, жаждете, чтобы за вами шпионили?

Он со скрежетом отодвинул стул и шагнул ко мне, встав почти вплотную. От близости разгоряченного мужского тела, от ощущения опасности и чего-то еще, совершенно мне непонятного, но чрезвычайно волнующего, меня захлестнула удушливая волна, и я почувствовала, как кровь приливает к щекам.

Этьен посмотрел на меня сверху вниз и сказал:

– Не люблю быть должным. Я не просил о помощи, но раз так вышло... Чем я могу отплатить ваш долг? И что вам нужно, мадемуазель выскочка, чтобы вы убрались отсюда подобру-поздорову?

Я задрала подбородок, хотя это и не слишком помогло при нашей разнице в росте, и с величием королевы или как минимум придворной дамы, ответила:

– Хорошо. Насчет долга я подумаю и сообщу вам позже.

– Когда? – прорычал он.

– Скоро. И не торопите меня, раз уж сами предложили. Если я назову вам перечень проблем, которые была бы рада решить, вы наверняка пожалеете о своем предложении. Позвольте мне выбрать наиболее достойную вас неприятность. И отойдите, наконец. Вы заслоняете собой весь воздух.

Он отшагнул и протянул вперед сбитый в кровь кулак:

– Излечить не желаете? С пылу с жару, пока свежее.

Тут я уж рассердилась не на шутку.

– Я с большим удовольствием поставлю вам новых шишек, чем стану лечить. Вы, сударь, – олицетворение неблагодарности и хамства.

– Не жалую ведьм, – ухмыльнулся он.

– Не люблю негодяев, – вспыхнула я. – Тем более не уважаю пьяницу, который живет за чужой счет и мнит себя большим героем.

Он вцепился пальцами в мои предплечья.

– Да как ты смеешь!

– Отпустите, сударь! Больно же!

Я вознегодовала и попробовала представить жар внутри, чтобы как-нибудь врезать негоднику. Увы, так быстро восстановиться я не могла. Этьен приблизил лицо к моему так, что почти коснулся кончиком носа, и прошипел:

– Ты ничего не знаешь и не имеешь права судить! Ты никто здесь! И надеюсь, так и останешься никем!

Я вспомнила о кувшине с сиренью и со всего маху столкнула его на ноги лекарского сына. Кувшин разбился вдребезги, забрызгав мне водой подол, а Этьену сапоги и штаны. Тот ойкнул и отскочил, схватившись за ногу. Я же побоялась, что упаду, поэтому лишь громко втянула в себя воздух.

– И если хотите знать, я бы сама с радостью сбежала из вашего сумасшедшего дома, где творится черт знает что, откуда люди пропадают, а потом их находят в реке! Где живут одни ненормальные! Где воняет мертвецами, разит холодом и делаются странные вещи! Я бы сбежала, если вы только изволите раз и навсегда избавить меня от дурацкого дара, чтобы я не смогла больше лечить таких кретинов, как вы, сударь! И чтобы не чувствовать, как сейчас, что у вас, ай-яй-яй как разболелся большой палец ноги, когда по нему стукнул кувшин.

Этьен вытаращился на меня.

– Да-да, я и сейчас чувствую. Не хочу, а чувствую! – вопила я, чуть ли не захлебываясь. – И почему-то только ваш папенька умеет хоть на некоторое время избавить меня от этих прекрасных ощущений, когда рядом со мной у одного поясицу ломит, у другого под мышкой чешется. Вот научитесь делать, как он, и меня просветите, тогда и уберусь отсюда, только вы меня и видели! Ну-ка, можете научить?

– Нет.

– Так идите, выясняйте!

– Не терплю указов, – угрожающе сказал Этьен. – Не стоит так со мной разговаривать.

– А то что? Разбежитесь и лоб себе об стену разобьете, чтоб и мне неповадно было? Я же все почувствую. Захотите отомстить мне, калечьтесь скорее и приползайте, поболеем вместе. Ха-ха. Мне вообще так весело жить!

– Сумасшедшая.

– Неблагодарный кретин.

Этьен, надутый, как лягушка в период брачных песен, почему-то остыл и покачал головой.

– Интересно, что заставило отца взяться помогать такой несносной особе?

Я только фыркнула в ответ. Сама бы хотела знать. Уже давно понятно, что не по доброте душевной и не из христианских побуждений.

Этьен внимательно рассматривал меня некоторое время и, наконец, произнёс:

– Так и быть. Я выясню, что и как делает отец. И можно ли вам обойтись без него.

– Буду премного благодарна, – совершенно неблагодарным тоном буркнула я.

Этьен пошёл к выходу, у двери обернулся небрежно и бросил, будто сплюнул:

– Надеюсь, вскоре мы с вами расстанемся.

– Жду не дождусь!

* * *

Моник вернулась, когда я уже начала видеть третий сон. Она разделась торопливо и примостилась к моему боку:

– Подвигайся.

Спросонья я выхватила из-под подушки кружку и чуть не огрела тётушку.

– Ты что? – отскочила она. – С ума сошла?

Поняв, наконец, кто посягает на суверенность моей кровати, я выдохнула с облегчением:

– О, как хорошо, это ты.

– А ты кого ждала?

– Бегают тут всякие ненормальные.

– Неужто поклонники?

– Лекарский сын. Я бы дверь подпёрла стулом, если бы не знала, что ты вернешься. Жаль, засова нет.

– Да он к тебе, похоже, неровно дышит, голубка моя, – хихикнула тетя, выкладывая горкой подушки.

– Моник! – укоризненно оборвала я тётушку. – Он не чаёт выставить меня отсюда! Моё присутствие отравляет ему жизнь. Ты-то где пропадала всё это время?

– Были дела, – таинственно шепнула Моник и почему-то причмокнула. – Тебе знать не обязательно. Давай спать.

Она повернулась на другой бок, свесив колено с узкой кровати, и обхватила руками верхнюю подушку. А я подумала: что за дела у неё такие? В чужом городе? И откуда она так хорошо знает лекаря? В голове мелькнула догадка – а что, если лекарь и моя тётя... Нет, не может быть! Так не бывает! Но по спине побежали мурашки, и сон как рукой сняло.

Впрочем, если Моник собирала для мсьё Годфруа травы, может, ещё как-нибудь помогает? Недаром она говорила, что у всех женщин в роду понемножку есть магии.

Я попыталась представить давнюю нашу прародительницу. Ведьму. Интересно, какая она была? Толстая, худая, добрая или сварливая, гадости делала или лечила... И вдруг я чуть не подскочила с кровати, несмотря на всю свою муторную вялость: а ведь у неё были муж, дети! И если я, как она... Значит, мсьё Годфруа солгал! Зачем? Что же такого он хочет от меня?

Святые угодники! Пусть я скорее верну силы и начну ходить. Наверное, надо потребовать у Этьена в качестве возврата долга прочитать ту книгу, исписанную непонятными знаками. Да, я попрошу прочитать мне всё! Если, конечно, этот олух умеет...

Дверь скрипнула и приотворилась. Я со страхом уставилась в чёрную щёлку. Кого ещё принесло? Там была лишь темнота, в которой пропадал дрожащий свет луны. Сквозняк?

– Кто там? – напряжённо шепнула я.

Никто не ответил. Во что бы то ни стало, нужно подпереть дверь. Я так не засну.

– Моник! – позвала я, но тётя ответила сладким храпом и натянула на плечи одеяло.

Кое-как я подползла по кровати к двери, потянулась к ручке и застыла. С лестницы в комнату струился невидимый холод, словно кто-то выдул в тёплый воздух облако крошечных льдинок. Сглотнув, я всмотрелась в черноту узкого прохода.

– Кто здесь?

Готова была поклясться, что чувствую чьё-то присутствие. Или схожу с ума... Дрожащая кисть сама начала осенять меня крестным знамением, а губы зашептали «Отче наш». Скрипнули едва слышно перила, скользнули вниз шорохи, коротко свистнул ветер. И тишина. Изо всех сил я хлопнула дверью и с громким скрежетом подтащила по полу стул, ухватившись за спинку. Подсунула ее под ручку двери. И с выскакивающим из груди сердцем добрую сотню раз перекрестила её.

Глава 14

Тётя посапывала и крутилась, толкаясь задом, а я лишь льнула к ней, к её теплу, такому обычному, уютному, без всяких потусторонних штучек, и боялась закрыть глаза.

«Святая Дева! Спаси и сохрани меня от колдовства, привидений и прочих напастей. Научи, как поскорее уйти из этого дома...», – бормотала я то про себя, то громким шёпотом. За ночь вспомнились все молитвы, которые мы твердили в монастыре, имена святых и архангелов. Не раз поминала я за ночь и отпущенного мной на четыре стороны Огюстена. Ведь если не привидение прилетало под мою дверь, вполне может быть, кто-то из здешних являлся с недобрыми помыслами. Мало ли, вдруг они владеют заклятием невидимости? К примеру, мсьё Годфруа. Не зря же у его покоев ледяная жуть витает.

Лишь под утро сон смежил мне веки, и я забылась. Моник разбудила меня, когда солнце светило вовсю, и сообщила, что сегодня уедет, иначе Николя разжалует её из жён и как пить дать устроит взбучку.

С помощью тётушки я умылась и привела себя в порядок. В крошечном зеркальце отразились тёмные круги под глазами и болезненная бледность. Как с погоста, – подумалось мне, и я тут же сплюнула через плечо, едва не попав на Моник. Она ничуть не рассердилась, усердно растёрла мне щёки и вплела в волосы пару бутонов яблоневого цвета, будто в том был какой-то смысл.

Ещё дрожащая и нестойкая, как лист осенний на ветру, я спустилась вместе с ней в кухню. Нас радостно встретила Софи и продолжила суетиться, обслуживая Этьена. Я осторожно присела подальше от лекарского сына, ожидая от него всего, чего угодно, кроме благоразумия. Этьен на удивление спокойно кивнул, с аппетитом поглощая луковый суп с гренками.

На столе, как всегда, имелись колбаса, сыры, оливки и много всякой всячины. Софи поставила перед нами с Моник миски с пахнущей сыром похлёбкой. Но в присутствии Этьена даже столь ароматный суп и поджаренные ломтики белого хлеба шли не очень. Моник восхваляла прекрасное утро, умницу-красавицу Софи и чудесный завтрак. Кухарка расцвела от комплиментов и охотно болтала с тётушкой. Этьен жевал. Я же молча поглядывала на круассаны с джемом и мёд в крошечных розетках, что стояли ближе к Этьену, и, робея, вяло ковырялась ложкой в супе.

Вдруг послышался яростный стук в ворота, выкрики Себастьяна, залиvistый лай пса, возбужденный голос лекаря и снова мощные удары по дереву, будто орудовали тараном.

Позабыв о завтраке, мы все высыпали во двор и тут же почувствовали себя жителями крепости, которую берут штурмом. Нашим глазам предстала отчаянная картина: Себастьян налегал на калитку со двора, а с другой стороны кто-то вышибал ее так, что ворота ходили ходуном и начали крениться. Пес кидался на них, захлёбываясь лаем. Вздаламученный мсьё Годфруа всплескивал руками и бормотал проклятия. При виде меня усы на его побагровевшем лице встопорщились, и он заорал:

– Абели, чёрт тебя забери, сюда скорее!

– Я?

– Нет, китайская императрица. Сюда, говорю. Маршем.

Моник сделала круглые глаза, Этьен поперхнулся недожёванной колбасой и с любопытством взглянул на меня, а я, покачиваясь, шагнула к лекарю. Честно говоря, торопиться не хотелось: разве я похожа на катапульту? Или на котёл с кипящим маслом?

Но лекарь не позволил мне манкировать, шустро подхватил под локоть и потащил к воротам.

– Твой Голем ломится, тебе и разбираться. Я велел его не пускать, но сама видишь, что получается.

Я лишь смущённо пробормотала:

– Скажите мсьё Огюстену, что я занята. Или больна. Что никак не сегодня. Нет, лучше пусть совсем не приходит.

– Вот сама и скажи! – проговорил разгневанный лекарь и указал пальцем на калитку. – Давай-ка.

Этьен сзади присвистнул и нагнал нас.

– А я как раз с утра заскучал ...

– Пшёл вон, – прошипел лекарь. – Он один раз тебя на кусочки разнёс, ещё раз хочешь?

Этьен нахмурился и потянулся за поленом, валяющимся у забора, но мсьё Годфруа встал у него на пути:

– Отставить сейчас же! Говорю тебе: тут Абели нужна, А-бе-ли. Ее привязка, она только и разберётся. Этот волопас её не тронет. Скажи ему что-нибудь, Абели! Ну же...

Я шагнула к шатающимся воротам и громко спросила:

– Огюстен, это вы? – Калитка перестала трещать, удары прекратились. – Это я, Абели.

Вы меня искали?

– Госпожа хотела меня видеть, – раскатисто промычал нарушитель спокойствия. – Я пришёл к госпоже.

Я растерянно оглянулась в поиске поддержки, но лица всех присутствующих вытянулись, выражая полное недоумение. Лишь Этьен почесал за ухом и хохотнул:

– Госпожа...

– Мне можно открыть калитку? – шёпотом спросила я мсьё Годфруа.

Тот задумался, потом кивнул:

– Только мы все отсюда уйдём и в доме закроемся.

Этьен попробовал было возразить, но лекарь дрожащей рукой чуть не впился сыну в лицо, снова зашипел, и через секунду всех со двора, как потопом, смыло.

Я распахнула покосившуюся дверцу. На пороге стоял Огюстен: в руках дрын величинной с дерево, белокурые волосы взлохмачены, добротная одежда неряшливо торчит во все стороны, покрытая какими-то листиками и травинками, будто костюм лесного эльфа. Раскрасневшийся верзила расплылся в улыбке:

– Госпожа.

– Заходи, раз пришёл, – вздохнула я и впустила его.

Он зашагал, будто громадная деревянная кукла с негнушимися коленями. Отмаршировал до колодца и замер, глядя на меня с восторгом полоумного добряка.

Я почувствовала, как подкашиваются ноги. Присела на пень, отодвинув ведро, и подпёрла подбородок ладонью:

– И что мне с тобой делать, Огюстен?

– Не знаю, – счастливо ответил тот. – Готов служить госпоже.

– А чего так вдруг явился?

– Госпожа велела.

– Разве?!

И вдруг вспомнилось, что и вечером при разговоре с Этьеном я припоминала Огюстена, и ночью, когда было страшно. «Привязка», – сказал лекарь. Я же вроде её отвязала, опрокинув ему на голову ведро холодной воды. Не сработало? Ведь убежал же потом. И вдруг в голове мелькнула догадка:

– Ты пьян, Огюстен? Ты пил чего-нибудь вчера к ночи: вино, сидр или кальвадос?

– Так точно, госпожа. Четыре бутылки красного вина.

– Один столько выпил? – удивилась я.

- Так точно, госпожа.
- Перестань называть меня госпожой.
- Как скажете, госпожа.

Я закатила глаза и заметила торчащую из окна физиономию Этьена. Он широко скалился и прикрывал рот рукой, чтобы не хохотать в голос. Из окна кухни, наполовину прикрытого шторой, выглядывали Моник, Софи, Себастьян и собака. С балкончика на втором лекарь в черном балахоне делал мне какие-то знаки: похоже, предлагал выставить Огюстена вон. Мда, а я сегодня – звезда ярмарочного представления. А где Женевьева? Этой гримзе даже поглумиться надо мной неохота.

Я вздохнула.

- Огюстен, а почему ты пришёл только утром? Я, кажется, думала о тебе ночью...
- Сразу пошёл, госпожа, только упал в яму и заснул. Как проснулся, пришёл.

У меня засосало под ложечкой от разыгравшихся угрызений совести. А он ведь мог, пьяный, и шею себе свернуть... Я была бы виновата. И говори после этого, что не ведьма.

Верзиле я велела сесть на землю и, приложив все свои немногие силы, шлепнула ему на голову чуть больше кружки колодезной воды – сколько сумела вытянуть.

Блондин встряхнул головой и уставился на меня. Странно, но после кратковременного изумления на его лице вновь появилась улыбка. Счастливая. Может, не такая безумная... Не помогло?

Огюстен встал и галантно взял из моих рук ведро:

– Милая мадемуазель, – скромно начал он. – Вот уже второй раз я встречаю вас после какого-то странного затмения. словно ото сна пробуждаюсь. Признаюсь, меня это сильно смущает. Но... видеть вас при таком пробуждении столь приятно, что не могу и передать.

Теперь уже я утратила дар речи: полоумный верзила умел, оказывается, любезно разговаривать.

– Позвольте представиться, ибо не помню, имел ли я честь в прошлую нашу встречу... – он выпрямился и потянулся к отсутствующей шляпе, снова смутился, одёрнул сюртук и склонился передо мной: – Огюстен Марешаль, помощник купца первой гильдии.

– Абели Мадлен Тома, – присела я в реверансе, пытаясь сгладить внезапную хрипоту в голосе.

– Очарован, мадемуазель, – проговорил Огюстен и припал к моей трепетной руке.

Я чуть было не отдернула её, потому как в моей голове промелькнули самые противоречивые мысли. Святая Дева! Кто бы подумал, что одно прикосновение мужчины к моей коже приведёт к такому смятению чувств. Стыд, приязнь, страх, кокетство, замешательство.

– Сударь... – промямлила я, поспешно пряча руки под передник, чтобы ему вновь не пришлось в голову их целовать. – В некотором роде я тоже... рада. Видите ли, сударь...

Не успела я придумать пространную речь, как раздался ужасающий скрип, треск, и покосившаяся калитка с грохотом обрушилась на землю.

Я подскочила. Огюстен вытаращился на сиротливо болтающиеся в воздухе железные петли. С балкончика послышались проклятия. Я виновато посмотрела вверх: лекарь упёр руки в боки. И затем, уничтожающе глядя на меня, показал пальцем на сломанную калитку. Краем глаза я увидела гримасничающего Этьена. При виде его ужимок во мне вскипело желание надавать ему тумаков. Но я тут же взяла себя в руки – Огюстен рядом, кто знает, вдруг опять превратится в ходячего Минотавра...

С посеревшего неба мне на нос упала одна капля, вторая, и хлынул ливень. В дом бежать было нельзя, двери наверняка заперли, потому я поманила Огюстена в беседку.

– Куда-а-а? – взревел с балкончика мсьё Годфруа.

Но мы уже скрылись от дождя и любопытствующих глаз за пышной зеленью розовых кустов, увивающих ажурные стенки беседки. Мы остановились, вытирая мокрые лица и отряхивая одежду.

Огюстен всё ещё ничего не понимал. Не скажу, что я понимала многим больше его. Я лишь была изумлена тем, что выйдя из состояния Голема, Огюстен совсем не выглядел идиотом. Оттого мне стало стыдно – до чего довожу приличного человека. Продолжая вытирать платком щеки и лоб, я украдкой рассматривала его крупное лицо, покрытое каплями, добрые глаза и фигуру, достойную Геракла. Он даже показался мне привлекательным.

– Какое насыщенное утро, мадемуазель! – улыбнулся Огюстен. – Необычное пробуждение, встреча с вами, ливень, калитка. Странно, скажу я вам, она соскочила с петель. Неужто в таком почтенном доме не следят за воротами или... что-то случилось?

– Боюсь, случилось вы, – сказала я.

Его брови взметнулись вверх.

– Что – я, милая мадемуазель?

– Это вы выломали калитку, – вздохнула я и не стала признаваться, что отчасти была в том и моя вина. Кто знает, не возопит ли этот добрый на вид человек в праведном гневе о том, что его околдовали и заставили плясать под чужую дудку, как мартышку на ярмарке.

Челюсть Огюстена отвисла. Он высунулся снова под дождь, чтобы увидеть брешь в воротах уже другими глазами. Вскоре он вернулся и посмотрел на меня с недоверчивой улыбкой.

– Мадемуазель, должно быть, шутит. Такую массивную конструкцию? Я один? И зачем? Разве у меня был таран? И притом я ничегошеньки не помню.

– Увы, мой мэтр наверняка не считает это шуткой. Ему ситуация кажется скорее трагичной. Он уже беснуется на своем балконе, и, пожалуй, сегодня всем будет мало места в этом, как вы выразились, почтенном доме. Особенно мне как помощнице мсье, ведь мы громогласно объявили, что ищите именно меня.

Ошеломленный Огюстен потёр рукой подбородок, а я продолжила:

– Боюсь, что на вас дурно сказывается выпитое вино.

– Мда, признаюсь, вы меня огородили такой новостью. Не скрою, я думал о вас, о том странном пробуждении, но поспешно удалившись из-за неловкости ситуации я не помнил, где вас искать.

– Возможно, выпитые четыре бутылки вина напомнили вам дорогу.

Огюстен вскинул на меня удивленные глаза:

– Откуда вы знаете, что их было четыре?

– Вы сами сказали.

Великан всплеснул руками и сокрушенно произнес:

– О боги! Представляю, какое мнение сложилось обо мне у вас – отъявленный пьяница и безумец.

На его лице так явственно выразилось отчаяние, что я не сдержалась и, пытаясь, утешить, положила ему руку на кисть и сказала:

– Ничуть. Я не думаю о вас плохо.

– Правда? – обрадовался Огюстен.

– Я вижу, что вы достойный молодой человек, только... – думая совсем не о вреде для здоровья Огюстена или грехе чревоугодия, а о моем проклятом воздействии на беднягу, добавила на всякий случай: – Я осмелюсь посоветовать вам не пить в таких количествах Монтанье или Бургундского. Видимо, вы человек тонкой душевной организации.

– Увы, милая мадемуазель, настоящий француз станет пить молоко только, когда коровы начнут доиться вином.

– Я нисколько не хочу разубедить вас в этом, только в заботе о вас...

– Благодарю, мадемуазель!

Он снова проворно подхватил мою кисть и прижался к ней горячими губами. Я тут же отдернула ее, потому что за спиной послышался тихий, но злой голос лекаря:

– Вот как! Мсьё изволит любезничать, а кто починит мне ворота?! Кто возместит ущерб?! Кто, я вас спрашиваю?

И тётушкино звонкое:

– Ах, цела!

Я обернулась. Изрядно вымокший лекарь и Моник чуть позади него вопросительно взирали на нас.

Щеки Огюстена залились краской:

– Мсьё... не имею чести знать вашего имени...

– Мсьё Годфруа, – вставил лекарь.

– Вышло досадное недоразумение, которое я обязуюсь исправить.

– Надеюсь на это, иначе мне придется обратиться в полицию.

Огюстен не растерялся и тотчас предложил:

– Я сегодня же приведу бригаду мастеровых и проконтролирую, чтобы все было сделано на лучшем уровне.

– И кто будет за это платить? – скривился лекарь.

– Сударь, все будет сделано за мой счет.

Мсьё Годфруа ослабил:

– Тогда другой разговор. Полагаю, в таком случае мы не будем беспокоить городскую полицию.

– Буду премного благодарен, – вытянулся в струнку Огюстен. – Позвольте откланяться?

– Да, сударь, – снисходительно кивнул лекарь. – Но жду вашего возвращения. И надеюсь, вы не станете больше ломать моё имущество.

Огюстен расшаркался, бросил на меня многозначительный взгляд и стремительно ушёл в дождь.

Моник кинулась ко мне и обняла:

– Ах, девочка моя. Я так испугалась!

Не успел Огюстен скрыться, на ступеньках беседки появился Этьен. Неужели подслушивал и прятался?

– Итак, этот мерзавец будет тут околачиваться весь день? Или два? – мрачно спросил он.

– Уж не хочешь ли ты сам чинить ворота? – съязвил отец.

– И вы хотите, чтобы ради этой... мадемуазель «сплошные неприятности» я продолжал скрываться ото всех?

– Таков был уговор.

Этьен задумчиво посмотрел куда-то на потолок.

– Отец, пошли за Софи, пусть принесёт сковороду потяжелее. Или лучше взять наковальню в конюшне.

– Зачем? – не понял мсьё Годфруа.

– Стукнуть меня по голове ещё раз, чтобы не обманывать публику. Поверь, всем будет проще.

Лекарь недовольно сморщил нос, и усы снова пришли в оживление, как щетка, которой елозят по башмакам, чтобы блестели.

– Уволь меня, Этьен, от твоих шуточек. Лучше займи себя чем-нибудь.

И тут Моник вышла в центр, одарила всех примиряющей улыбкой и торжественно объявила:

– Друзья мои, дождь кончился! Надеюсь, и все неприятности на этой благой минуте тоже завершатся.

Этьен пожал плечами, затем перевел на меня выжидающий взгляд, который вдруг стал серьёзным – неужели вспомнил об обещании?

– Хорошо, отец, ты прав. Но раз заняться мне нечем, не позволишь ли тебе помочь? Хотя бы сделать отвар для твоей пациентки, мадемуазель Абели? Я же перед ней в долгу...

– О! Наконец-то слышу разумные слова! Буду рад твоей помощи, – удивился лекарь внезапной перемене настроения в сыне, а мне сказал: – Ты уже, как я посмотрю, оправилась.

– Да, мсьё, – проямлила я.

– Тебе тоже найдется работа, пошли в дом.

Солнце выглянуло из-за тучи, и мы гуськом пошли по выложенной камнем дорожке в особняк.

Глава 15

Моник снова уехала, пообещав наведываться. Она долго-долго наставляла меня, говоря, что девушка должна хорошо выглядеть при любых обстоятельствах, заботиться прежде всего о себе и стараться не доводить себя до такого состояния, в каком она меня застала. Мне не хотелось ее отпускать, и я со всем соглашалась. Выходя из моей комнаты и ступая по лестнице, она принялась толковать о том, что с Этьеном лучше не ссориться, и по возможности вести себя прилично.

– Ах, знала бы ты, девочка, как чудно ведут себя мужчины! Порой нам совершенно непонятно, что у них на уме, они пырхаются и злословят, тогда как сами уже твёрдо решили жениться.

Такая тирада вызвала у меня лишь досаду. Я переступила через порог и глянула на лужу у куста жасмина. Да к Этьену в невесты пойдёт только вон та жаба на камне. И то подумает двести сорок восемь тысяч раз. Но я смолчала.

Выходя на крыльцо, Моник издали завидела Огюстена и велела вести себя с ним осторожно, а лучше никак, ибо молодой человек явно странный. Я снова не стала возражать. Потом сама разберусь, кто мне милее. Зачем расстраивать любимую тётушку? Мы в сотый раз расцеловались и обнялись. Уже в воротах Моник покосилась на белокурого великана, ловко заправляющего мастерскими, обернулась на меня и многозначительно погрозила пальцем.

Ах, ну ничегошеньки она не понимает. Какая жалость!

Я же, наоборот, с чувством глубокой благодарности и необъяснимым ощущением, похожим на нежность, залюбовалась широкой спиной Огюстена. Больше никто меня не защищал. Только он. В его присутствии я чувствовала себя увереннее.

На улице парило после дождя, опять стало жарко. Вот он и сбросил сюртук, оставшись в одной рубашке. Теперь было даже непонятно, как он мог показаться мне идиотом. С каждой секундой Огюстен вызывал во мне всё больше симпатий. Потому я с великим сожалением оторвалась от созерцания великана и отправилась выполнять поручения лекаря.

Мне предстояло растереть травы в мелкий-мелкий порошок в ступке, а затем рассыпать их в строгом порядке по маленьким склянкам. Делать это приходилось на кухне, бок о бок с Этьеном. Тот облачился в такой же, как у отца чёрный балахон, и пытался по-своему колдовать над травами. Сын лекаря резал и собирал их в сборы, откладывал какие-то в котелки – наверное, отвары делать.

По-моему, толку от него было, как от кота в мясной лавке. Он то и дело отрывал Софи от приготовления обеда. То дай ему попробовать, то поднеси, то Расскажи. К тому же Этьен часто поглядывал на меня и отпускал в мой адрес колкие шуточки. Сам им сильно радовался, а я пропускала мимо ушей – нельзя было злиться и допустить, чтобы милый Огюстен снова превратился в деревянного разрушителя Голема. А ведь как велик был соблазн. Я лишь иногда скашивала глаза на наглого красавчика и фыркала себе по нос. Напустил на себя важности – тоже мне маг и чернокнижник! Недоучка и глупец на самом деле.

Когда Женевьева позвала Этьена к отцу в кабинет, я улучила момент и понесла Огюстену на тарелке колбасы, сыра с половиной багета и большую кружку холодной воды, чуть смешанной с красным вином. От нескольких капель, – подумала я, – вреда не будет.

Увидев меня, Огюстен обрадовался. Был он рад и угощению, но, отпив воды, со вздохом сказал:

– Премного благодарен, милая мадемуазель, всё вкусно. Но я бы с большей охотой выпил вина, ведь как говорил Генрих IV, хорошая кухня и доброе вино – это рай на земле.

Я растерянно развела руками. И он, поняв свою ошибку, добавил:

– Впрочем, великий король был не совсем прав – рай на земле невозможен, если бы рядом не было вас, Абели.

Я зарделась от удовольствия, но нашу беседу снова прервали. К дому лекаря подъехала роскошная карета в упряжи с чёрными, будто лакированными эбеновыми жеребцами. Себастьян поспешно разогнал мастеровых и склонился перед невероятно красивой дамой. Я чуть было не раскрыла рот от восхищения тончайшим кружевом, вспенившимся вокруг декольте и на манжетах, великолепием широких юбок из лилового шелка, пышными перьями на изысканной шляпке...

В животе разгорелась постыдная алчность – я непременно хочу всё такое же. И даже мгновенно представила, как бы чудесно оно на мне смотрелось. Ах, если бы мои косы так же завить в тугие локоны, я бы стала такой красавицей, такой красавицей. Но увы. Я вздохнула.

Видимо, заслышав стук колёс или уловив каким-то мистическим нюхом приезд важной гостьи, на крыльцо выскочил лекарь. За его спиной показался проныра Этьен. Он быстро глянул на даму и хотел было скрыться в прихожую, но тут заметил меня рядом с Огюстеном. Этьен нахмурился и подарил мне уничтожающий взгляд. Всё это произошло в пару секунд, но отчего-то моё сердце ёкнуло, будто я сделала что-то скверное. Пожалуй, я всё же не стану пить отвар, который этот наглец приготовит. Не то наверняка превращусь в ещё одну печальную тень и буду бродить ночью по коридорам жуткого особняка и пугать жильцов.

Незнакомая дама в сопровождении арапчонка в красной, расшитой золотом ливрее и круглой шапочке важно проследовала во двор. Мсьё Годфруа рассыпался перед ней в любезностях, и дама приветливо, хотя и с лёгкой ноткой снисходительности ему ответила. Огюстен протянул мне опустевшую тарелку, но я, увлеченная разглядыванием великосветской красавицы, не приняла ее в руки. Тарелка со звоном ударилась о камни и разлетелась на кусочки. Все обернулись в нашу сторону. Дама тоже. Вспыхнув, я бросилась подбирать останки тарелки.

– Какое прелестное дитя, – услышала я приятный грудной голос.

– Новая помощница, ваша светлость. Прошу простить её неловкость. Она всего пару дней как служит мне, – и он выкрикнул: – Подойди, Абели Мадлен.

Робея, я высыпала черепки из передника на землю, отдала Огюстену кружку и приблизилась к ним. Потупив глаза, присела в глубоком реверансе. Пальцы в кружевной перчатке подняли мой подбородок, и я встретилась взглядом с пронзительными синими глазами красавицы.

– Ты знаешь, кто я, дитя?

– Никак нет, ваша светлость, – ответила я. – Но уже очарована вашей красотой.

– Ах, милая крошка, – мелодично рассмеялась дама.

– Перед тобой графиня Жанна де Верау, принцесса де Люин, – нараспев продекламировал мсьё Годфруа.

– Для меня большая честь, ваша светлость, – от волнения я с трудом вспомнила, что говорят в таких случаях.

– Мсьё Годфруа, я надеюсь, ваша помощница составит нам компанию? Приятно созерцать подле себя такие ангелоподобные лица. Детка, ты, наверное, во всем как ангелочек?

– Сущий ангел, вы даже не поверите какой, – заверил лекарь. – Но мы, ваша светлость, сначала обсудим то, о чем я писал вам ввечеру? Я бы предпочел обсудить это приватно, а затем Абели Мадлен почитает вам во время процедур или развлечет беседой. Уверяю вас, она будет столько в вашем распоряжении, сколько пожелаете.

– Да-да, безусловно. – Графиня махнула рукой в перчатке. – Пойдёмте. У меня тоже есть к вам дело.

Они направились к кабинету, а я – к разбитой тарелке. Всё-таки приятно, что я так приглянулась самой графине. Интересно, почему это она посещает лекаря, а не он ходит к ней?

Возле меня кто-то присвистнул. Я подняла голову от черепков. Огюстен почёсывал затылок и ошарашенно качал головой.

– Вот уж не ожидал, что к обычному лекарю может пожаловать сама графиня де Верау! Наверное, ваш мэтр, мадемуазель, не простой лекарь, совсем не простой.

– Возможно... А вы не могли бы меня просветить, кто такая эта графиня?

– Как?! Вы не знаете?! Она же любовница самого короля Савойи, герцога Виктора Амадея!

Из окна кухни показалась суровая Женестьева:

– Мадемуазель Абели. Скорее сюда.

Я улыбнулась Огюстену и побежала к ней. Удивительно, но мои ноги уже так хорошо слушались! Будто присутствие великана придавало мне сил. А, может, так и было.

Стоило мне войти в кухню, Женестьева протянула наполненный кубок:

– Пейте, Абели.

– Что это?

– Вино, мадемуазель. Мэтру потребуется ваша помощь.

* * *

Я стояла в покоях для богатых пациентов и с выражением неподдельного ужаса рассматривала бурные гнойники, рассыпанные по животу графини. Та лежала на кушетке в одном белье и ничуть меня не стеснялась. При виде болячек, которые красавица скрывала под дорогими шелками, мне вспомнился прокажённый, от которого я со страхом убежала в Сан-Приесте. Впрочем, у того всё выглядело еще кошмарнее.

Извы саднили и чесались – я чувствовала это так же сильно, как и сама графиня. Хуже того – мой дар обострился, и я отчетливо видела ржавого цвета облако с зелеными, как насморк, прожилками и землистыми пятнами. Оно туманом окружало тело графини де Верау, сгустившись вокруг бедер, и издавало тошнотворный запах, который, похоже, никто, кроме меня не улавливал. Всё это вызывало крайнее отвращение и говорило об опасности, звенело в моих ушах, будто колокол при пожаре. Прикоснуться пальцами? Ни за что на свете! Я бессознательно сделала шаг к двери.

– Ну, что же ты, Абели, – промурчал мсье Годфруа. – Ты же хочешь помочь её светлости. Ты ведь добрая католичка, не так ли?

– Так, – нехотя ответила я и отступила ещё на полшаг.

– Тогда чего же ты ждешь? Положи руки и исцели мадам де Верау.

– Но... мсье, как же... Ведь шрам Этьена остался у меня... вдруг и это?.. – я даже не знала, как сказать, чтобы не оскорбить высокопоставленную особу.

Графиня лишь молчала и сдержанно улыбалась. Но улыбка ее была совсем ненастоящей, как фальшивые цветы на ярмарке. Уж я-то знала, что мадам волновалась и даже начинала гневаться – над ее головой поднялась красноватая дымка.

Но лекарь будто ждал моих слов. Он, как кудесник, достал из кармана круглое зеркальце на изящной ручке и приставил к моей груди.

– Шрама уже и след простыл. Смотри сама.

Мой взгляд скользнул к зеркальцу – в отражении и, правда, ничего не осталось от багрового пятна, что я перетянула у Этьена. Даже крошечной точки.

– Видишь, милая? – теперь лекарь старался говорить, как добрый дядюшка. – Так что не бойся, Абели. Исполни то, что велит тебе Господь. Ты же помнишь, Иисус Христос сам страдал и нам велел. А тебе и страдать-то долго не придётся. Мы же знаем.

Я сглотнула. Всё тело засадило и зачесалось, не только живот.

– Увы, ангелочек, болезни не красят даже красивых людей. Болезни никого не красят. Но я буду вечно тебе признательна, если ты хоть ненадолго облегчишь боль. Я так страдаю, – печально и даже искренне произнесла графиня.

Только из-за этой ноты искренности в её низком голосе я сдалась. Хотя откуда-то из-за спины летели мысли: притворись, не справься, не касайся, уходи... я заглушила их бормотанием молитв и, зажмурившись, положила ладонь на плоский живот.

Я даже не успела проговорить, что хочу помочь, как зловонная жижа ворвалась в мои пальцы, раскалила их, будто огнём, и понеслась травить моё тело со скоростью грязевого потока в горах. Он разрушал всё живое во мне, бурлил, крутил. И невозможно было оградиться от этой сели и не получалось ее остановить. Вонючая грязь фонтаном ударила в череп изнутри, и я рухнула на пол, трясаясь в лихорадке.

– Умница, умница, – только слышалась распевная похвала лекаря.

– Это поразительно! – воскликнула графиня. – Это чудо! О, Боже, что с ней?

– Сейчас пройдёт. Закройте глаза, – говорил он. – Вам надо поспать.

– Ах, я надеюсь, с крошкой всё будет хорошо?! – произнесла графиня. – Я непременно должна её наградить за исцеление!

Лекарь буркнул в ответ что-то неопределенное.

Мне было на них наплевать. Кажется, я умирала. Откуда-то сверху на меня подуло холодом, тихонько, потом чуть сильнее. В тот момент ледяная волна показалась единственно спасительной из всего, что могло быть... Сквозь полуоткрытые глаза в полутьме занавешенных штор, под самым потолком я увидела бесформенное существо. Прозрачное, голубоватое, видимое не больше, чем пар над кипящей водой. Оно смотрело на меня. Смотрело с сочувствием. И хотело помочь...

Лекарь поднял меня на руки и понёс по коридорам, уложил куда-то.

– Держись, Абели. Всё пройдёт.

Меня продолжало колотить. Я с угасающей надеждой искала взглядом в окружающей мути то самое существо. Может, оно мне поможет. Кто-то снял с меня платье, приложил холодные, пахнущие глиной примочки к горячечному телу. У двери выросла черноволосая фигура.

– Отец, я принёс, – произнёс Этьен и вскрикнул: – Чёрт побери, что с ней такое? Она же только что кокетничала с этим остолопом...

– Не до разговоров.

– Но отец...

– Нечего пялиться. Будто голых женщин не видел! Поди прочь.

Хлопнула дверь. «Ну вот, перед смертью еще и опозорилась», – безразлично мелькнуло в голове.

Лекарь приподнял мне голову, разжал зубы и влил горячую горькую жидкость. Затем вколол свои китайские иглы в грудь, кисти и стопы. Судороги прекратились, хотя мучительный жар всё ещё жёг тело изнутри, и продолжал мучить невыносимый запах гнилья. Только теперь он шёл от меня.

– Абели, – позвал лекарь.

Я с трудом повернула к нему голову.

– Знаю, тебе плохо, Абели. Но ты сделала доброе дело!

На языке вертелись проклятия, но остатков моего сознания хватило, чтобы не высказать их вслух. Не стоит на смертном одре добавлять себе грехов. Впрочем, пересохшие, как мёртвые листья, губы, и не хотели шевелиться.

Мсьё Годфруа накрыл меня простыней и подсунул под пальцы колокольчик, привязанный к шнуру.

– Звони, если что-то понадобится. А сейчас поспи. Проснёшься здоровой.

Похоже, он сам в это не слишком верил. Мне казалось, стоило смежить веки, и я больше их не открою. Лекарь снова пощупал мой пульс, вздохнул и вышел из комнаты.

Едва за ним закрылась дверь, с потолка на меня опять повеяло морозным воздухом. Медленно, как пьяная, я подняла глаза. Безликий призрак оведал голубоватым пятном поперечину кованой люстры.

– Не бойся, – прошуршало у меня в голове.

– Не боюсь, – подумала я в ответ. – Я на самом деле тебя вижу или мне чудисься?

– Я есть.

Еле заметный синеватый дымок заструился вниз, и ледяная волна окатила меня с ног до головы. Существо устроилось на кровати. Теперь от излучаемого им холода, которого я недавно так боялась, в голове чуть прояснилось. Воистину говорят: больше всего люди боятся того, чего не понимают.

Привидение перелетело ближе к изголовью и, как мне показалось, начало исчезать.

– Не уходи. Когда ты близко, меньше жар, – попросила я.

– Я тут.

– Спасибо. Это ты приходил к моей комнате ночью?

– Приходила.

– Почему теперь я тебя вижу, а ночью не видела?

– Потому что ты только что прикоснулась к смерти, и пока остаешься к ней слишком близко. Не играй так больше.

– Я не играла...

– Играла. В добродетель.

– Но...

– Тебя никто не заставлял. Ты могла отказаться. Но как же! «Я слишком хороша, чтобы быть плохой», – съязвило привидение.

Меня кольнула обида, хотя что-то в душе подсказало: призрак не так уж и не прав.

– А я ведь предупреждала тебя. Разве ты не слышала моих слов? – сказала призрачная гостья.

– Святые угодники, то была ты! Прости, не послушала. Я думала, то внутренний голос, мой собственный. Но разве я не должна помогать людям? Зачем тогда дар? Я кухарке помогла и сыну лекаря тоже, хоть и боялась.

– Смертельная болезнь – другое.

– Она была смертельная? – ахнула я. – Не знала.

– Не входи в лабиринт, не зная выхода. И не суй свой нос во все щели. Неаполитанская болезнь не лечится, – просветило меня привидение. – От неё постепенно умирают. Иногда быстро, иногда разлагаются годами, превращаются в живые трупы. Когда я была человеком, люди говорили, что неаполитанка – кара Господня за грехи и блуд. Возможно, так и есть.

От ужаса и понимания совершенной ошибки с моих губ сорвался стон. «Прости, Господи, за то, что вмешалась в дела твои. Прости меня и помилуй!» – мысленно взмолилась я.

– Иначе лекарь сам бы справился, – добавил призрак. – А тут даже его магия бессильна.

– По-моему, нет у него никакой магии.

– Пфф... Если ты слепа, это не значит, что день и ночь одинаковы.

Обдумывая сказанное, я ничего не ответила: лекарь гнусен и алчен, но разве он такой уж колдун? Я вздохнула и продолжила молить бога о прощении, пообещав Деве Марии и всем святым отправиться на исповедь и покаяться в самоуправстве.

– Глупо, – шепнуло привидение, подслушав мои мысли.

– Раз я грешница, надо покаяться.

– Тогда лучше тебе умереть сейчас. Меньше будешь мучиться.

На мой немой вопрос привидение прошелестело:

– Стоит тебе рассказать святым отцам, что ты сотворила, они тут же тебя схватят. Ведь, на их взгляд, ты расквесишься в колдовстве. А по чину им полагается тебя убить и душу очистить. Как-нибудь особенно кровожадно. Они это любят. Разве ты не в курсе, что ведьмам полагаются пытки?

– Боже мой! А что же делать?!

– Молчать.

– Молчать... Наверное, ты права. Прости, я не представилась. Меня зовут...

– Знаю, – перебил меня призрак.

– Тогда позволь спросить твоё имя?

Прозрачная гостья не ответила. Она вдруг заметалась по комнате, обдувая меня ледяными всполохами. Даже мои уши, не только сознание, расслышали вздохи и стенания, похожие на завывание ветра.

– Прости, прости, если я спросила что-то не то! – поторопилась я успокоить привидение.

Голубоватая дымка мгновенно сгустилась над моим лицом.

– Если бы я помнила своё имя, я бы улетела туда, где положено упокоиться душам!

– Ты бы хотела этого?

– Меньше всего на свете я мечтала застрять в этом проклятом богами доме. Но меня никто не слышит! И никто не поможет мне уйти!

– Я тебя слышу.

Привидение рассмеялось, и по комнате туда-сюда загулял сквозняк, шторы качнулись, нервно хлопнула неплотно прикрытая форточка.

– Ты?! Ты держись за тело. Держись крепко, пока можешь. Хотя... вдвоём было бы не так тоскливо скрипеть лестницами...

– Я тоже стану призраком? – спросила я, понимая, что отчаянно не хочу оказаться связанной к этому месту, не хочу превратиться в невидимое облако. Перспектива хлопнуть оконными створками и пугать жильцов меня тоже не привлекала.

– Зря, – снова вклинилось в мои мысли привидение, – щекотать чужие нервишки весьма забавно. Дунуть кому-нибудь в лицо ночью или крикнуть в ухо басом так, чтоб подскочил, или уронить на голову полку. Это весело. Вот только я уже подустала, – вздохнуло привидение. – Обыденно всё, и поделиться не с кем. Так что не держись за тело, я передумала. Жду тебя на чердаке. Прилетай.

И холодящая лихорадочное тело дымка испарилась. Меня снова охватил сумасшедший жар и чесотка.

– Эй! Вернись! – позвала я в голос.

Никто не ответил. Какая досада! Даже призраки в этом доме корыстные! Наверное, и у дворового пса, и у крыс в подвале тоже зреет умысел, как бы получить от меня выгоду. Сто чертей им в печенку! Ну, что же мне постоянно везёт, как мыши в мышеловке?!

Дверь скрипнула и отворилась.

– Зовешь меня? – навис надо мной Этьен и нагло ухмыльнулся. – Так и знал – ты в меня влюбилась.

Глава 16

Потрескавшимися от сухости губами я чуть слышно произнесла:

– Сударь, я умираю. Умоляю, оставьте меня в покое.

– Ну, уж нет, доставлять тебе такое удовольствие? Умирать в покое? Обойдётся, сударыня, – заявил Этьен и сдёрнул с меня простыню.

– Вы мерзавец, – просипела я.

– О да! – хохотнул он и принялся выдергивать иглы и стряхивать примочки, которые хоть как-то скрывали мою наготу. Окинув взглядом моё тело, он добавил: – А ты будешь ничего, если откормить.

– Ненавижу... – я попыталась закрыться руками.

– Я же говорю – влюбилась.

Он обернул моё измученное нечистотами, раскалённое лихорадкой тело в ту же простыню, подхватил на руки и вынес из комнаты. Оттолкнув плечом дверь, он осмотрелся и, никого не заметив, помчался по коридору, а затем вниз по ступеням в мрачный подвал.

«Крикни ему в ухо. Прямо сейчас! Ну, пожалуйста, – мысленно обратилась я к привидению, – или урони на нас балку с потолка. Этьен превратится в кретина с перекошенным лицом, а я перестану мучиться и присоединюсь к тебе. Зададим им жару вдвоём! Ну, услышь меня! Эй!»

Этьен пнул узкую дверцу с полукруглым верхом и втащил меня в тёмное помещение с низкими каменными сводами. Лишь два огарка освещали его. Несмотря на отсутствие сил, я попыталась оттолкнуть руками грудь Этьена и высвободиться. Он хмыкнул.

«Неужели он из тех, кто глумится над трупами?» – с ужасом подумала я и дёрнулась снова.

– Отпустите! – прохрипела я.

– С радостью, ты так воняешь, – сообщил мне Этьен. – Только воздуха набери.

– Что?!

– Вдохни глубоко и не дыши. Будет холодно. И-и, раз.

Не успела я сообразить, что к чему, как ледяная вода обожгла всё тело и сомкнулась над головой. Простыня всплыла на поверхность. Сердце ухнуло, я бессильно задвигала руками и ногами, пытаюсь вынырнуть, но Этьен удерживал меня, надавливая на плечи.

– А-а-а, – попыталась закричать я. Вода хлынула в глотку.

Этьен подхватил меня под мышки и поднял так, чтобы голова высунулась над водой. Отчаянно откашливаясь и хлюпая носом, я пыталась отдышаться. Наконец, мне удалось.

– И ещё раз. Вдыхай. Рот только не открывай, дурная, – сказал сын лекаря и опять погрузил меня в воду с головой.

Теперь я успела вдохнуть. Но сердце колотилось, как сумасшедшее. Меня утопят здесь, как котёнка?! Страх сменило возмущение.

Этьен снова поднял моё лицо над водой.

– Дыши. Выплывай всю гадость.

Я открыла рот, хватанула воздуха жадно, как рыба, выброшенная на берег моря. У меня вырвалось:

– Вот дерьмо! – гораздо громче, чем все, что я говорила до этого.

Но Этьен не угомонился, велел вдохнуть и опять притопил. И вдруг сверкнула мысль – да ведь это он наверняка погубил Жюли – ту самую няню. О Боже! Он из тех чудовищ, одержимых дьяволом, которые убивают и убивают, и не могут остановиться... Воспользовался моей слабостью, подлец. Ну, уж нет! Откуда-то появились силы – буду биться за жизнь до последней секунды. Появилась злость и желание разmozжить Этьену голову. Мои пятки

нащупали камень. Я оперлась на него, а потом вцепилась пальцами, как безумная, в рукава чёрного балахона. Дёрнула на себя, что было мочи. Мерзавец, видимо, не ожидал этого и кувыркнулся в воду прямо на меня. Я извернулась и выскочила из воды. Перед носом мелькнули подошвы и каблуки сапог. Я подтянулась и перелезла через каменный борт узкого бассейна.

Скорее бежать, спастись! Ох, чёрт! Я же голая!

Невероятно довольная рожа Этьена показалась над водой. Я отпрянула к стене. Перебросила мокрую косу вперёд, расправила ее и закрылась руками и волосами, как могла. С прядей текло, как с не выжатого белья после стирки, и подо мной скоро образовалась лужа. Но я была так зла, что пока Этьен вылезал из бассейна, осыпала его изощрённой бранью, слышанной не раз от моих невоспитанных родственников. Войдя в раж, я даже прибавила от себя несколько витиеватых выражений.

Этьен, похоже, удивился. Он стянул с себя балахон и заметил:

– Знаешь, ты была бы похожа на святую Инессу, если бы не чертыхалась, как грузчик в порту.

– Дерьмо собачье! – у меня не осталось нормальных слов. – Чтоб у тебя уши отсохли, мерзавец мерзючий!

– Забавно, – приснул Этьен, – только что умирала, а тут поглядите-ка: сквернословит и дерётся, как разбойница. Неужто передумала? Или притворялась?

Он достал из сундука аккуратно сложенную сухую простыню и протянул мне. И только после его слов я осознала, что не чувствую от себя ни запаха гнили, ни жуткой лихорадки, высасывающей из меня все соки. Поняла, что вполне сносно стою на ногах, хоть и чувствую слабость в коленях. Поток брани прекратился.

Завернувшись с головой в простыню, я недоуменно уставилась на Этьена. Тот сиял, как начищенный медяк. Благо, здесь было темно, не то он увидел бы, как мои щёки залились краской.

– Так вы, сударь... эммм... не хотели меня утопить?

Этьен расхохотался.

– Если бы хотел, вышло бы гораздо лучше. И быстрее. Уж поверь. А так не пропадать же воде, привезённой из целебного источника в лесу. Графине, как я понял, молодящиеся ванны уже ни к чему, а тебе, крошка, в самый раз. Нутром чуял, помогут...

Одним движением он отбросил со лба мокрые волосы и спросил:

– Ну что, святая Инесса, сама пойдёшь? Или снова на моём горбу?

Я потупилась и тихо попросила:

– Вы не могли бы, сударь, принести мне одежду?

– Ха! Опять вернулась кроткая овечка? Жаль, в роли грузчицы ты нравилась мне больше.

Я устыдилась ещё сильнее и не нашлась, что ответить. Всю ярость как рукой сняло.

– Ладно. Жди тут, – буркнул Этьен и оставил меня одну.

* * *

Было зябко, как в склепе. Я замёрзла и забралась с ногами на грубый табурет. Странно было чувствовать к Этьену благодарность, и всё-таки он меня спас. Излечилась ли я полностью? Посмотрим. По крайней мере, сейчас я не чувствовала себя больной ни в малейшей степени.

Не знаю, сколько прошло времени, но ожидание показалось вечностью. Сын лекаря никак не появлялся. Погоди-ка, рядом кто-то есть. Привидение откликнулось на мой зов и

вернулось? Я осмотрелась, но ничего похожего на голубоватое облако не увидела. Тем не менее воздух вокруг меня совсем заledenел.

– Эй, ты тут? – позвала я вслух.

– Тут, – прошелестело в моей голове, и лёгкое дуновение приподняло край простыни.

Показалось, чьи-то мертвенные пальцы коснулись моей ноги. Я вздрогнула и попросила:

– Ой, лучше не делай так. Без горячки мне теперь страсть, как холодно.

– Всё тебе не так.

Привидение вздохнуло, и из угла в угол пронёсся унылый протяжный свист – такой, какой слышится в трубе камина ветреным зимним вечером.

– Ну вот, теперь ты не скоро ко мне присоединишься. Чёртов мальчишка! Терпеть его не могу! – сказал призрак.

– В этом мы с тобой подруги.

– Отрадно. Кстати, не благодари его. Мальчишка только и ринулся тебя спасать, чтобы показать отцу: мол, я умнее – нашёл выход, а ты, папаша, со всеми твоими тайными знаниями и чернокнижными регалиями, не смог. Они тут вечно меряются: кто кого. Уж я-то знаю...

Из-за слов призрака я почувствовала разочарование, но ненадолго – по сути, он высказал мои собственные предположения.

– Послушай, – произнесла я. – А тебя случайно зовут не Жюли?

– Нет.

– Я всё-таки попытаюсь узнать, как тебя звали. Никому не стоит прозябать в этих стенах. Может, дашь подсказку?

От холода у меня уже зуб на зуб не попадал, в горле засвербело. Где же чёртов Этьен? Похоже, придётся идти через весь дом в одной простыне. Пожалуй, все сочтут, что я сошла с ума из-за лекарьских штучек...

– Дам, – прошелестело привидение. – Загляни в сундук. На самом дне найдёшь кое-что получше простыни.

Я резво соскочила с табурета и принялась рыться в чистом белье. И, правда, с самого низа выудила ночную рубашку и роскошный домашний халатик. Нежно-лимонный, из тяжёлого атласа, с мягкой подкладкой, рюшами и милыми бантиками. Пусть всё это было мне великовато, но я с удовольствием натянула одежду на голое тело и потуже завязала пояс. Теперь можно было идти, хоть и босиком...

– А на Этьена я уронила канделябр. Лежит, отдыхает на входе в подвал, – равнодушно сообщило привидение.

– Как? Зачем?! Он же...

– Ты сама просила. Поблагодарила бы.

– Но я... – ругать привидение за запоздалую помощь не хотелось, и я лишь буркнула: – Хорошо. Спасибо.

– Пойдём, – прошелестел призрак, – покажу тебе кое-что.

Я подхватила подсвечник с оплившей свечой и пошлёпала босыми ступнями по каменным плитам вслед за струящимся холодом. Полы халата шлейфом тащились за мной.

«Вообще-то, неплохо заполучить союзника, – подумала я. – Теперь у меня их уже двое – привидение и Огюстен. Есть ещё, конечно, Моник. Но она далеко».

Призрак вёл меня вглубь по мрачному коридору, где, несмотря на разгар дня, всё было пронизано сырой темнотой.

– Тут, – морозное облако повисло перед массивной дверью.

Я дёрнула за ручку – заперто.

– Отодвинь второй кирпич справа от верхней дверной петли.

Под моими пальцами кирпич покорно шевельнулся и выехал вперёд одним концом. Что-то звякнуло. В образовавшемся отверстии я нащупала железный ключ. Отчего-то мне стало страшно. Я была уверена – то, что за этой дверью, мне не понравится. И верно, еще не успев отворить её полностью, я почувствовала знакомый запах мертвечины. Я заколебалась...

– Ну, что же ты?! – рассердилось привидение.

– Да мне просто страшно! – вспылила я. – Будешь подгонять, уйду!

Холодный воздух задрожал передо мной, и привидение примирительно шепнуло:

– Не уходи. Просто меня всё время тянет в эту комнату, хоть я и не помню, что там произошло.

Насупившись, я всё-таки кивнула и снова потянула ручку двери на себя.

– Там жутко, – поспешно предупредило привидение. – Не падай в обморок.

Я шагнула в смердящую темноту, будто в чрево дохлого кита. В пятнышке света от моего огарка увидела длинные погашенные свечи в канделябре у входа, зажгла их по одной. О, Боже! Свечи были чёрными!

В центре помещения стоял стол, его массивные дубовые ножки покрывали тёмные потёки. Рядом на высокой тумбе были разложены ножи и щипцы, при виде которых у меня свело желудок. На полках, тянувшихся вдоль всей стены, стояли стеклянные сосуды, наполненные чем-то. Когда я приблизилась и посветила себе свечой, мне стало дурно. В желтоватой жидкости каждого плавали крошечные человечки: одни по несколько пус размером, меньше моей ладони, другие – побольше. Некоторые странные, похожие на головастиков с хвостом, некоторые – лишь маленькие сгустки застывшей плоти. Дрожа, я перекрестилась и забормотала молитвы. Захотелось убежать отсюда, сломя голову, но я заставила себя остаться – пожалуй, стоит увидеть всё, что скрывает монстр Годфруа-старший, а потом уже бежать.

Я ступала вдоль кошмарной выставки, и у меня холодели внутренности. От невыразимого ужаса кожа покрывалась мурашками. Когда я остановилась перед последней банкой, я еле сдержала крик: на меня полуоткрытыми глазками смотрел мёртвый младенец – чуть меньше последнего малыша Моник, когда тот родился раньше срока два года назад. На этикетке надписана дата – день моего приезда сюда. Тошнота подкатила к горлу. Вспомнилась полная торговка в палате для бедных – та, что потеряла ребенка из-за бочки с лягушками. Я прикрыла рукой рот, и слёзы покатились из глаз. Вот он, ее малютка. Выставлен на посмешище чудовищу-лекарю.

У меня не оставалось сомнений: мой мэтр служит дьяволу! Наверняка и сын его тоже. И противная Женевьева, а, может, и остальные... К чему они готовят меня – стать такой же или превратиться в овцу на заклинание? Меня охватила паника: отсюда надо бежать! Не из подвала, нет – из дома, из этого города! Скорее!

– Это ещё не всё, – прошелестело привидение. – Посмотри в углу.

– Не могу больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.